

ԵՐԵՎԱՆԻ ՊԵՏԱԿԱՆ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆ
ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
YEREVAN STATE UNIVERSITY

ԲԱՆԲԵՐ ԵՐԵՎԱՆԻ ՀԱՍՏԱՏՈՒՄՆԻ
ՈՂԻՍ ԲԱՆԱՄԻՐՈՒԹՅՈՒՆ

ВЕСТНИК ЕРЕВАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

BULLETIN OF YEREVAN UNIVERSITY
RUSSIAN PHILOLOGY

№ 2(25)
2024

Журнал «Вестник Ереванского университета. Русская филология» выходит два раза в год. Издается с 2015 года. Правопреемник издававшегося в 1967-2009 гг. журнала "Вестник Ереванского университета". «Բանբեր Երևանի համալսարանի. Ռուս բանայիրություն» հանդեսը լույս է տեսնում տարեկան երկու անգամ: Հրատարակվում է 2015 թվականից: Իրավահաջորդն է 1967-2009 թթ. հրատարակված «Բանբեր Երևանի համալսարանի» հանդեսի:

Three issues of "Bulletin of Yerevan University. Russian Philology" are published twice a year. The journal has been published since 2015. It is the successor of "Journal of Yerevan University" published in 1967-2009.

Редакционная коллегия:
Խմբագրական խորհուրդ.
Editorial Board:

Главный редактор:
Գլխավոր խմբագիր՝
Editor-in-chief:
Акопян Левон (к.фил.н.,
доц., levon.hakobyan@ysu.am)

Հակոբյան Լիոն (ր.դ.թ., դոց.)
Hakobyan Levon (*PhD in Philology, Associate Professor*)

Балаян Павел (к.пед.н., доц.,
pavel.balayan@ysu.am)
Բալայան Պավել (ր.դ.դ., դոց.)
Balayan Pavel (*PhD in Pedagogy, Associate Professor*)

Газарова Диана (к.фил.н., доц.,
dgazarova@ysu.am)
Գազարովա Դիանա (ր.դ.թ., դոց.)
Gazarova Diana (*PhD in Philology, Associate Professor*)

Денисенко Владимир (д.фил.н., проф.,
РФ, denisenko@mail.ru)
Դենիսենկո Վլադիմիր (ր.դ.դ., պրոֆ., ՌԴ)
Denisenko Vladimir (*Sc. D. in Philology, Professor RF*)

Дэвидсон Дэн (PhD, проф., США, вице-президент МАПРЯЛ)

Դևիդսոն Դեն (PhD, проф., USA, Vice President of IATRLL)

Джанполадян Магдалина (д.фил.н.,
проф., m-poladyan@mail.ru)
Զանփոլադյան Մագդալինա (ր.դ.դ., պրոֆ.)
Janpoladyan Magdalina (*Sc. D. in Philology, Professor*)

Евдокимова Светлана (PhD, проф., США,
svetlana_evdokimova@brown.edu)

Եվդոկիմովա Սվետլանա (PhD, պրոֆ.,

ԱՄՆ)

Evdokimova Svetlana (*PhD in Philology, Professor, USA*)

Лалаян Сусанна (к.фил.н.,
доц., susanna.lalayan@ysu.am)

Լալայան Սոսաննա (ր.դ.թ., դոց.)

Lalayan Susanna (*PhD in Philology, Associate Professor*)

Люцканов Йордан (PhD, доц., Болгария,
yljuckanov@gmail.com)

Լյուչկանով Յորдан (PhD, դոց.,
Բուլղարիա)

Lyutskanov Yordan (*PhD in Philology, Associate Professor, Bulgaria*)

Матевосян Лианна (д.фил.н., проф.,
lianna.matevosyan@ysu.am)

Մատևոսյան Լիաննա (ր.դ.դ., պրոֆ.)

Matevosyan Lianna (*Sc. D. in Philology, Professor*)

Мхитарян Карине (к.фил.н., доц.,
karine.mkhitaryan@ysu.am)

Միքայելյան Կարինե (ր.դ.թ., դոց.)

Mkhitarian Karine (*PhD in Philology, Associate Professor*)

Перотто Моника (PhD, доц., Италия,
monica.perotto@unibo.it)

Պերոտոն Մոնիկա (PhD, դոց., Իտալիա)

Perotto Monica (*PhD in Philology, Associate Professor, Italy*)

Стерьёпулу Элени (PhD, проф.,
Греция, elsterg@slavstud.uoa.gr)

Ստεργιοπούλου Ελένη (PhD, պրոֆ.,
Հունաստան)

Stergiopoulou Eleni (*PhD in Philology, Professor, Greece*)

СОДЕРЖАНИЕ * ԲՈՉԱՆԴԻԿՈՒԹՅՈՒՆ * CONTENTS

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ ԳՐԱԿԱՆԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆ LITERARY CRITICISM

- Марианна Мкртчян – Интертекстуальный анализ стихотворения А.С. Пушкина «Я помню чудное мгновенье...»: к полемике вокруг адресата 4**
Marianna Mkrtchyan – Intertextual Analysis of A.S. Pushkin's “I Remember a Wonderful Moment...”: on the Controversy About the Addressee

ЯЗЫКОЗНАНИЕ ԼԵԶՎԱԲԱՆՈՒԹՅՈՒՆ LINGUISTICS

- Диана Газарова – Контексты функционирования неопределенных местоимений с «—нибудь» 26**
Diana Gazarova – Contexts of Functioning of Infedinite Pronouns with «—нибудь»
- Рузан Грдзелян – Семантическая организация синонимического ряда 38**
Rouzan Grdzelyan – Semantic Organization of the Synonymic Sets
- Лианна Матевосян – Независимый инфинитив как объект лингводидактического изучения 51**
Lianna Matevosyan – Independent Infinitive as the Subject of Linguodidactic Study
- Павел Трушчелёв – Седактивные детали в учебном тексте: эксперимент по методике извлечения ключевых слов 61**
Pavel Trushchelev – Seductive Details and Expository Text Structures: an Experimental Study Via Keyword Extraction

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ А.С.ПУШКИНА «Я ПОМНЮ ЧУДНОЕ МГНОВЕНЬЕ...»: К ПОЛЕМИКЕ ВОКРУГ АДРЕСАТА

МАРИАННА МКРТЧЯН*

Ереванский государственный университет

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению пушкинского стихотворения «К***» («Я помню чудное мгновенье...») с позиции выявления интертекстуальных связей на основе сопоставления с другими стихотворениями поэта, а также с произведениями В.А. Жуковского, являющегося автором известной строки «Гений чистой красоты».

Общепринятым адресатом стихотворения является А.П. Керн, хотя эта версия многократно подвергалась сомнению. В качестве адресата называют также императрицу Елизавету Алексеевну. Нами эта версия проверяется и подтверждается с позиции интертекстуального подхода. Анализ нескольких стихотворений Пушкина с точки зрения образного и лексического строя произведений, перекличек тем и мотивов, особенностей работы поэта над текстом показывает, что рассматриваемое стихотворение стоит в одном ряду с другими произведениями Пушкина, образующими некое единство и объединенными одним адресатом. К ним относятся «К ней», «Дубравы, где в тиши свободы...», «К Н.Я. П<люсковой>», «В начале жизни школу помню я...». В свою очередь позаимствованная Пушкиным у Жуковского строка «Гений чистой красоты» вводит в текст стихотворения целый комплекс дополнительных имплицитных смыслов, которые никак не укладываются в версию о Керн, как о его адресате.

Проделанный анализ текстов обоих поэтов лишний раз убедительно говорит о необходимости пересмотра адресата и включения второй версии в учебники и учебные пособия.

Ключевые слова: «Я помню чудное мгновенье...», «Гений чистой красоты», А.С. Пушкин, В.А. Жуковский, интертекстуальный анализ, адресат стихотворения, А.П. Керн, Императрица Елизавета Алексеевна.

* **Марианна Мкртчян** – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы ЕГУ.
Մարիաննա Մկրտչյան – քանախրական գիտությունների թեկնածու, ԵՊՀ ուսուցչության ամբիոնի դոցենտ

Marianna Mkrtchyan – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, YSU Chair of Russian Literature

Эл. почта: marianna.mkrtchyan@ysu.am <https://orcid.org/0009-0002-6521-2947>

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License.

Получено: 27.11.2024

Рецензия: 24.12.2024

Одобрено: 27.12.2024

© The Author(s) 2024

Введение

Стихотворение А.С.Пушкина «К***» («Я помню чудное мгновенье...») относится к числу прецедентных текстов русской культуры. С полной уверенностью можно утверждать, что мало найдется не только русских, но и русскоязычных людей, которым бы не была известна первая строка этого стихотворения. И столь же хорошо известно, что адресатом его считают Анну Петровну Керн. Стихотворение частно так и печатают – «К*** <А.П.Керн>¹». Оно стало соотноситься с именем Керн с ее подачи, хотя ее же рассказ об обстоятельствах получения автографа вызывает сомнение в данной версии, ставшей, тем не менее, общепринятой. Правда, в пушкиноведении не раз высказывались сомнения на этот счет. Они принадлежали В.С.Соловьеву, М.О.Гершензону, В.В.Вересаеву и др. Как правило, повышенный образ в стихотворении и пушкинские высказывания о Керн в письмах трудно соотнести друг с другом. В результате, пришлось сойтись на том, что Б.М. Гаспаров обобщил следующим образом: «...двойственность и в то же время взаимная дополнительность образа типична для Пушкина <...> Эта черта проявлялась, например, в поразительных контрастах между возвыщенно-лирическим женским образом (стихотворение «К*** <А.П.Керн>») и циническими шутками по тому же адресу...» [Гаспаров, 1992, с.250].

С относительно недавних пор полемика вокруг адресата этого стихотворения оживилась. И все чаще исследователями высказывается мнение о том, что оно адресовано императрице Елизавете Алексеевне, жене Александра I, которую называют «утаенной» любовью поэта. Версия эта не очень поддерживается официальным пушкиноведением, что объяснимо: мнения, устоявшиеся как в научном сознании, так и в представлениях обывателя (в данном уже в течение двух веков), с трудом поддаются пересмотру. И все-таки не стоит бояться их пересматривать. Такая готовность демонстрируется и со стороны известных пушкинистов. Например, В. Непомнящий, бывший председателем Пушкинской комиссии Института мировой литературы РАН, в комментарии к статье И.Варламовой «Александр Пушкин мог быть влюблён в императрицу Елизавету» в «Российской газете» отмечает: «Такая версия существует. Она излагается в интересной книге Киры Викторовой «Пушкин и императрица. Тайная любовь». Пушкин, действительно, трепетно относился к императрице Елизавете, можно даже сказать, что он боготворил ее. Однако точного доказательства, что знаменитое стихотворение «Я помню чудное мгновенье» посвящено именно супруге Александра I, нет. Это можно принять только в качестве предположения» [Варламова, 2014]. Этой версии придерживался С.С. Гейченко, долгие годы бывший директором Пушкинского музея-заповедника в Михайловском. О любви Пушкина к императрице и отражении ее в его творчестве писали также Л.Аринштейн («Пушкин: И про царей и про цариц», 2012), Л.Васильева («Жена и муз. Тайна Александра Пушкина») и др.

¹ Справедливости ради отметим, что так его обозначал и Пушкин в списках стихотворений изданий 1827 и 1828 годов. Однако, на наш взгляд, эти обозначения можно отнести либо к разряду «удобных» для Пушкина (к тому времени А.Керн уже «присвоила» стихотворение себе), или к категории пушкинских мистификаций, таких, как подзаголовки «с латинского» к стихотворению «Лицинию», «Сцена из Ченстоховой трагикомедии: The Covetous Knight» к «Скупому рыцарю» или «Из Пиндемонти» («Не дорого ценою я громкие права...»). Далее будет понятно, почему мы так считаем.

В примечаниях третьего тома полного собрания сочинений Пушкина в 20-ти томах (том 3, книга 1) говорится, что «версия, согласно которой стихотворение «К***» обращено к Императрице Елизавете Алексеевне <...> не имеет никаких подтверждений» [Пушкин, 2019, 3(1), с.705]

Точных доказательств этой версии, действительно, быть не может, так как в фактах биографии Пушкина, изученной вдоль и поперек, трудно обнаружить что-то новое. Но о многом могут говорить сами тексты произведений поэта. Целью нашей статьи является исследовать этот вопрос, опираясь исключительно на интертекстуальные связи, тем более, что само стихотворение является ярким примером диалога текстов.

В отношении интертекстуальности, в процессе осмыслиения которой накопилось много определений, мы придерживаемся следующего: «Интертекстуальность – это слагаемое широкого родового понятия, так сказать, и н т е р /.../ а ль н о с т и, имеющего в виду, что смысл художественного произведения полностью или частично формируется посредством ссылки на иной текст, который отыскивается в творчестве того же автора, в смежном искусстве, в смежном дискурсе, или в предшествующей литературе» [Смирнов, 1985, с.12]. В нашем случае интертекстуальный анализ помогает вскрыть генезис стихотворения Пушкина, указать на дополнительные смыслы за счет системы значений претекста и по-новому взглянуть на возможного адресата.

Анализ происхождения тем и мотивов стихотворения «К*» на базе сопоставления его с другими пушкинскими стихотворениями**

Знаменитые слова «Гений чистой красоты», ассоциирующиеся у большинства с Пушкиным, принадлежат В.А. Жуковскому. Это сочетание упоминается в его стихотворениях «Лалла Рук» (1821) и «Я музу юную бывало...» (1824), а также в «письме о Дрезденской галерее», озаглавленном «Рафаэлева Мадонна» (1824), в котором поэт цитирует свое собственное стихотворение. Еще одно стихотворение из этого цикла, уже без упоминания в нем названных строк – «Явление поэзии в виде Лалла Рук» (февраль 1821 г.). Оно представляет собой перевод стихотворения Гедвиги фон Штегеманн «An die Grossfürstin Alexandra als Lalla Rookh» («Великой княгине Александре – Лалле Рук»).

Имя Лалла Рук восходит к одноименной романтической «восточной повести» англо-ирландского поэта Томаса Мура и принадлежит в ней индийской принцессе. В творчестве Жуковского оно также связано с немецкой принцессой (один из первых и значимых фактов в пользу версии об императрице, хотя и не единственный), а именно, с Александрой Федоровной, дочерью прусского короля Фридриха-Вильгельма III, принцессой Шарлоттой, ставшей женой Николая Павловича (будущего Николая I). В честь этой супружеской пары зимой 1821 года в Берлине при дворе прусским королем был устроен праздник с постановкой так называемых «живых картин», эпизодов из названного произведения Мура. Принцессу Лаллу Рук и ее возлюбленного, бухарского хана Алириса, скрывавшегося под видом поэта Фераморса (принцесса и поэт – второй факт), представляли Александра Фёдоровна и ее супруг. С тех пор за ней закрепилось это прозвание, став достаточно распространенным. В апреле 1821 г. Жуковский даже издавал рукописный журнал «Лалла Рук».

Стихотворение Пушкина «Я помню чудное мгновенье...» тематически оказывается всегда в разделе любовной лирики, что вполне обосновано, хотя есть мнение о том, что оно связано исключительно с темой поэтического вдохновения, что было высказано, в частности, А.И.Белецким. Это крайняя точка зрения, и она не была поддержана исследователями, хотя тема вдохновения, действительно, является важным центром, вокруг которого стихотворение построено. Е.Н. Егорова, приводя несколько примеров из Пушкина и его современников отмечает, что «в 1824 году в Михайловском Пушкин обращается вновь к теме возрождения души под влиянием воскресшей красоты» [Егорова, 2008]. Однако в этом стихотворении душа лирического героя не просто возрождается, с появлением возлюбленной на нее нисходит вдохновение. На теме вдохновения построено и стихотворение Жуковского «Я музу юную, бывало...» (1824). И хотя тема достаточно распространенная для романтизма того времени, важно разобраться, у кого из двух поэтов она появилась первой.

У Пушкина есть стихотворение 1817 года «К ней» («В печальной праздности я лиру забывал...»). Сходство двух произведений было отмечено еще П.В. Анненковым в 1855 году. Он сопроводил стихотворение «К ней» следующим примечанием: «Основную мысль стихотворения Пушкин воспроизвел в другой и превосходной форме спустя 8 лет, именно в пьесе «Я помню чудное мгновенье», принадлежащей уже к 1825 году». [Цит. по: Томашевский, 1961, с.77]. Указывал на сходство и Б.В. Томашевский, говоря об общем «состоянии души» и «творческого порыва» обоих стихотворений. Вот как он его описывает: «...после состояния подавленности, сопровождаемого творческим бесплодием, наступает пробуждение под влиянием внезапного порыва любви, при этом обостряется чувство жизни во всех ее проявлениях – чувство, очищающее душу; и снова воскресают творческие силы» [Томашевский, 1961, с.78]. Впоследствии это сходство неоднократно отмечалось в современных статьях по теме без углубленного анализа обоих текстов, который мы и проведем.

В обоих пушкинских стихотворениях утраченное и вновь пробужденное вдохновение без сомнения связано с чувством любви:

*Хвала любви, хвала богам!
Вновь лиры сладостной раздался голос юный,
И с зонким трепетом воскреснувшие струны
Несу к твоим ногам!.. («К ней») [Пушкин, 2004, 2(1), с.11]*

Так к чьим же ногам нес Пушкин свои «воскреснувшие струны»?

Интересно, что при жизни Пушкина это стихотворение не было опубликовано. Е.Н.Егорова по этому поводу пишет: «Пушкин был строг к себе: эти хорошие и во многом оригинальные стихотворения так и остались неопубликованными при его жизни. Видимо, чем-то они его не удовлетворяли, потому и попали в своего рода «творческий задел» поэта» [Егорова, 2008]. Здесь имеется в виду и стихотворение «К ней». Относительно этого стихотворения с этим мнением согласиться трудно, так как намерение опубликовать его у Пушкина было. «К ней» было включено в цензурную рукопись стихотворений 1826 года. В 1825 году в варианте его копии (в «тетради Всеволжского») Пушкиным была сделана правка и был проставлен год

написания стихотворения – 1817. Однако стихотворение было вычеркнуто поэтом из оглавления цензурой рукописи, посланного поэту Плетневым в письме от 26 сентября 1825 г. Рядом Пушкиным было написано «Не нужно». По словам Анненкова, видевшего цензурную рукопись, «уже одобренное цензором, оно было зачеркнуто и уничтожено в ней самим автором» [Цит. по: Томашевский, 1934, с.842]. Таким образом, мы видим первоначальное намерение поэта сделать произведение достоянием читательской публики, которое изменилось в сентябре 1825 года. Заметим, что «Я помню чудное мгновенье...» было написано незадолго до этого и оказалось в руках Керн (как это произошло, известно из ее воспоминаний). Б.П. Городецкий, также подметивший в свое время сходство обоих стихотворений, мотивировал отказ Пушкина печатать «К ней» следующим образом: «По-видимому, это было вызвано тем, что к данному времени уже было написано стихотворение «Я помню чудное мгновенье», где с несравненно большей силой, глубиной и художественным совершенством разработана та же тема возрождения» [Городецкий 1962: 173]. Закономерное объяснение, но истинный мотив остается невыявленным. Известно, что в планы Пушкина не входило включение стихотворения «К***» в сборник 1826 года. Оно появилось в печати в 1827 году и совсем не по инициативе Пушкина. Керн отдала его Дельвигу, который просил разрешения Пушкина его напечатать.

Обратимся к текстам обоих стихотворений. Сходство их разительное. Схожи уже сами заглавия («К ней» и «К***»). Важно отметить, что в правках того же 1825 года название было зачеркнуто, восстановлено и вновь зачеркнуто. Пушкин явно в чем-то колебался. Похоже, соотнесений он не желал. Но по какой причине? «К***» к тому времени было принято Керн на свой счет, в то время как в 1817 году, когда было написано «К ней», Пушкин еще не был знаком с Керн. Первая встреча с ней состоялась только в 1819 году. К слову, обстоятельства встречи и поведение Пушкина тогда мало говорят за то, что это было «чудное мгновенье» и что он видел перед собой «гения чистой красоты» (семантика образа очень глубокая).

С одной стороны, схожесть стихотворений может быть связана с одним и тем же адресатом (и тогда им не может быть Керн), с другой – если адресаты разные, могла вызывать недоумение такая идентичность поэтических ситуаций. Ни то, ни другое не должно было быть обнаружено. И если бы стихотворение «К***» осталось неизвестным, что и случилось бы, не попади оно к Керн, Пушкину не пришлось бы менять планы в отношении стихотворения «К ней».

Если говорить о версиях адресата стихотворения «К ней», то их немного. М.А. Цявловский относил стихотворение к бакунинскому циклу. И.С. Чистовой в статье «К кому обращено стихотворение А. С. Пушкина «К ней?»» высказывалось предположение относительно Авдотьи Голицыной. В стихотворении есть строки:

*Природы вновь восторженный свидетель,
Живее чувствовал, свободнее дышал,
Сильней пленила добродетель... [Пушкин, 2004, 2(1), с.11]*

Догадка автора статьи строится на слове «добродетель», которое «в стихах кажется чужеродным, неуместным. <...> оно создает своего рода конфликт на лексическом уровне, входя в противоречие с окружением» [Чистова, 1996, с.6].

Заметим, что Пушкин выделяет это слово графически, ставя после него многоточие. Поэтому, если тут и есть какое-то противоречие, Пушкин не был намерен его сглаживать. И.С.Чистова пишет: «Попытки найти причину стилистической «погрешности», введения в текст «нестилевого» слова приводят к мысли о его, условно говоря, биографически бытовом происхождении» [Чистова, 1996, с.6]. Поиски этого происхождения приводят автора статьи к Голицыной, в кругу которой добродетель была одним из ключевых идеологических понятий и, по мнению Чистовой, качеством самой Голицыной. Однако следует отметить (это делает и сама автор статьи, но обходит стороной значимость этого факта), что круг Голицыной был связан с сообществом «друзей Елизаветы», имевших намерение возвести на престол «добродетельную» государыню Елизавету Алексеевну. Добродетель была именно ее часто подчеркиваемым качеством. Оно воспевалось во многих поэтических обращениях к ней (Н.Язвицкий, А.Никитин, Ф.Глинка). У Карамзина, которого связывала с Елизаветой тесная дружба, есть стихотворение «К портрету ее императорского величества государыни императрицы Елизаветы Алексеевны» (1819), в котором также упомянуто это качество:

*Корона на главе, а в сердце добродетель;
Душой пленяет ум, умом душе мила;
В благотворениях ей только бог свидетель;
Хвалима... но пред ней безмолвствует хвала. [Карамзин, 1966, с.312]*

Сам Пушкин упоминает это слово и в стихотворении «К Н.Я. П<люсковой>» (1819), единственном, однозначно посвященном императрице²:

*Небесного земной свидетель,
Воспламененною душой
Я пел на троне добродетель
С ее приветною красой. [Пушкин, 2004, 2(1), с.37]*

В стихотворении «К ней» после стиха, заканчивавшегося словом «добродетель» в тетради Всеволжского шли следующие строки:

*Тебя увидел я... нет! В сердце не потух
Святой поэзии восторг неизъяснимый;
Нет! он еще горит, поэта прежний дух,
Сей пламень, музами хранимый. [Пушкин, 2004, 2(1), с.132]*

В том же 1825 году эти строки также зачеркиваются. Стихотворение в его каноническом варианте сейчас тоже печатается без них. В этом действии Пушкина вновь виден след «Я помню чудное мгновенье...», так как очевидно, что в

² Варианты стихотворения в разных списках были озаглавлены «К И<мператрице> Е.А», «К императрице Елизавете», «Елизавете» и др. в том же роде. Впервые опубликованное в 10-ом номере «Соревнователя Просвещения и Благотворения» в 1819 году оно вышло под названием: «Ответ на вызов написать стихи в честь Ее Императорского величества Государыни Императрицы Елизаветы Алексеевны» с подписью «А.П...н».

измененном виде эти строки теперь появляются в новом стихотворении, то есть, происходит перенос строк из чернового варианта одного стихотворения в другое.

Сравним оба текста:

«К ней»
(с восстановлением зачеркнутых строк)

*Тебя увидел я... Нет! В сердце не потух
Святой поэзии восторг неизъяснимый;
Нет! Он еще горит, поэта прежний дух,
Сей пламень, музами хранимый.
Хвала любви, хвала богам!
Вновь лиры сладостной раздался голос
юный,
И с звонким трепетом воскреснувши
струны
Несу к твоим ногам!..*

«К***»

*Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.
[Пушкин, 2019, 3(1), с.50]*

С восстановленными строками описанные переживания в обоих стихотворениях становятся практически идентичными. Лирический герой встречает возлюбленную («Тебя увидел я» и «И вот опять явилась ты»), это пробуждает сначала душу («Душа проснулась, ожила» и «Душе настало пробужденье»), а потом воскресает вдохновение («И с звонким трепетом воскреснувши струны» и «И для него воскресли вновь... И божество, и вдохновенье...»). В обоих стихотворениях схож также прием включения синонимичного ряда в сходном контексте. Сначала об утраченном говорится:

*Вас вновь я призывал, о дни моей весны,
Вы, пролетевшие под сенью тишины,
Дни дружества, любви, надежд и грусти нежной,
«К ней») [Пушкин, 2004, 2(1), с.11]*

и

*Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви. («К***») [Пушкин, 2019, 3(1), с.50]*

А затем – о вновь обретенном:

*Душа проснулась, ожила, –
Узнала вновь любви надежду, скорбь и радость.
«К ней») [Пушкин, 2004, 2(1), с.11]*

и

*И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь. («К***») [Пушкин, 2019, 3(1), с.50]*

Данный анализ показывает, что стихотворения являются своего рода близнецами. Могли ли они при такой схожести друг с другом принадлежать разным женщинам? В принципе, все возможно, но сомнительно. Посмотрим дальше.

Обратимся к уже упомянутому нами стихотворению «К Н.Я. П~~<люсковой>~~», в частности, к работе Пушкина над ним. Последняя известная его правка относится предположительно к сентябрю того же 1825 года, когда Пушкин вычеркивает приводимые ниже стихи с 13 по 16 строки, относящиеся непосредственно к личности Елизаветы:

*Небесного земной свидетель
Воспламененною душой
Я пел на троне добродетель
С ее приветною красотой. [Пушкин, 2004, 2(1), с.37]*

В этих строках сосредоточено все то, что содержится в рассмотренных стихотворениях (небесная природа адресата, добродетель, как ее основное качество и красота). И с этим стихотворением происходит то же самое. Оно исключается Пушкиным из готовившегося сборника стихотворений 1826 года, хотя сперва тоже входило в его оглавление. Посмотрим, какую трансформацию претерпевала эта часть стихотворения в вариантах различных копий, а также при его написании.

Окончательный вариант:
Небесного земной свидетель

Другие варианты:
*Небесной кротости свидетель
Небесной благости свидетель*
[Пушкин, 2016, 2(2), с.166]

*Я пел на троне добродетель
С ее приветною красотой*

*Я пел с восторгом добродетель
С ее пленительной красотой*
[Пушкин, 2016, 2(2), с.167]

Между 16 и 17 стихами были также варианты «Со взором благости небесной», «Со взором Ангела приветным» [Пушкин, 2016, 2(1), с.165]. Есть также неоконченные строки, посвященные улыбке адресата («С улыбкой голосом», «С улыбкой мира» [Там же]). Также обращает на себя внимание передача состояния вдохновения в вариантах белового автографа. После строки «Но признаюсь – под Геликоном» Пушкин пытается выразить состояние, перебирая варианты («Бродя с задумчивой душой», неоконченное «В задум < >, «душой задум< чивой>» [Пушкин, 2016, 2(1), с.164]). После строки «Где Касталийский ток шумел» был вариант «Один [в з < >] задумчиво сидел», «Счастлив задумчиво сидел» [Там же]). Одним из вариантов стиха «Елизавету втайне пел» было «Я пел в восторге, в упоеньи» [Там же]. Ср. «И сердце бьется в упоенье» из «К***». В окончательной редакции от этих вариантов не остается и следа, что понятно, так как в них

слишком личное отношение поэта к адресату, которое постепенно вытесняется. Но для нас важным является то, что словоупотребления из «К***» уже были в вариантах стихотворения, однозначно посвященного Елизавете.

В нем же есть еще одна перекличка со стихотворением «К ней». Стrophe «*Природы вновь восторженный свидетель*» в стихотворении «К Н.Я.П<люсковой>» соответствует «*Природу лишь учася славить*» («К ней»). Сейчас в большинстве изданий на месте слова «Природу» стоит слово «Свободу». Как отмечено в примечаниях второго тома (книга первая) полного собрания сочинений Пушкина в 20-ти томах (2004), эта замена производилась в соответствии с чтением ряда копий, но подобное решение нельзя считать оправданным, так как слово «*свобода*» отсутствует и в черновом, и в беловом автографах стихотворения. По мнению авторов примечаний, оно является читательской интерполяцией с целью усилить оппозиционность текста» [Пушкин, 2004, 2(1), с.554]. Для нашего случая первоначальный вариант имеет принципиальное значение.

Если бы не стихотворение «К ней», идея воскресшего вдохновения в стихотворении к «К***» благодаря позаимствованной у Жуковского строчке могла показаться в нем у Пушкина вторичной. Ведь «Я музу юную, бывало...» (1824) Жуковского написано именно на тему утраченного вдохновения. По годам видно, что у Пушкина эта тема появляется за 4 года до написания Жуковским «Лаллы Рук» и за 7 лет до «Я музу юную, бывало...». Конечно, идея не нова – музавдохновительница и пробужденное вдохновение – но так как нас интересует конкретный ограниченный круг текстов обоих поэтов, это уточнение в контексте интертекстуальных связей мы считаем немаловажным. Итак, в 1817 году Пушкин пишет «К ней», в 1821 Жуковский пишет «Лаллу Рук» и «Явление поэзии в виде Лалла Рук», а в 1824 году – «Я музу юную бывало...». Затем появляется стихотворение «Я помню чудное мгновенье...» Пушкина как своего рода близнец стихотворения «К ней», но теперь оно обогащено строкой «Гений чистой красоты», относящейся у ее автора к особе королевских кровей.

Стихотворением «К ней» обозначенная тема у раннего Пушкина не исчерпывается. В 1818 году Пушкин пишет набросок «Дубравы, где в тиши свободы...»³. Согласно общепринятому мнению, по черновикам поэта трудно определить, является ли этот набросок единым стихотворением с отрывками, которые позже были дописаны в процессе доработки на одной с ним странице и отделены от него горизонтальной линией. В этом стихотворении читаем:

*Дубравы, где в тиши свободы
Встречал я счастьем каждый день,
Ступаю вновь под ваши своды,
Под вашу дружескую тень.
И для [меня] воскресла радость
И душу взволновали вновь
Моя потерян^{<ная>} млад^{<ость>},
Тоски мучительная сладость
[И] ты, о [первая] любовь. [Пушкин 2004, 2(1), с.93]*

³ В полном собрании сочинений Пушкина в 20-ти томах оно печатается в томе 2, книге первой (2004) в разделе «Стихотворения, оставленные в черновиках и набросках».

Большинство исследователей за некоторым исключением справедливо считает, что стихотворение связано с Царским Селом. Вновь обратимся к работе Пушкина над рукописями. Первый вариант был написан на листе 43 Лицейской тетради и уже содержал в себе мотив стихотворения «Я помню чудное мгновенье...». Ср. «*И для меня воскресла радость*» и «*И для него воскресли вновь*»; «*И душу взволновали вновь*» и «*Душа настала пробужденье*». Этот мотив углубляется в дорабатываемом варианте на обороте листа 44. Известно, что Пушкин часто вписывал более поздние произведения на свободные листы. Если первый черновой набросок датируется исследователями предположительно августом – ноябрем 1818 года, то продолжение работы над ним относят предположительно к весне (не ранее 10-х чисел марта) 1819 г.⁴ Проследим за изменениями. Если в первоначальном варианте в сердце лирического героя «*проснулась / Давно забытая печаль*», то в новом варианте, наоборот – «*воскресла радость*». Эти строки в наброске в разных вариантах варьируются. Пушкин ищет подходящий: «*Где ты минувшей жизни радость?*», «*Я здесь оставил жизни радость*», «*Нахожу вновь / Мою потерянную радость*» [Пушкин 2004, 2(1), 231]. Здесь же появляется «*слёз сладость*», а также – «*И душу взволновали вновь*». Возникают вопросы. Во-первых, что так кардинально изменило печаль на радость? Во-вторых, с кем связано переживание? В варианте доработки, обозначенном в собрании сочинений Пушкина в качестве «основного черновика» появляются строки, обрисовывающие два образа возлюбленной, отличающихся друг от друга. Оба отрывка отделены от основного и друг от друга горизонтальной линией. Первый из них следующий:

А И ты, которая навек

- а. Меня к унынию приучила*
- б. Меня безумью научила*

Б а. [Пред<нрзб>] <> Гений мой

- б. Чудесный Ангел, <> мой*
- в. Чудесный <>, Гений мой*
- а. Не ты ль жестокою кра<сой>*

Меня безумью научила

б. Не ты ль меня <>

Люби безумью научила

в. Не ты ль меня <>

[Лю<бви?>] Безумной страсти научила

г. Не ты ль <>

Меня страд.<анью> покор.<ила> [Пушкин, 2004, 2(1), с.231]

Здесь мы вновь видим переклички и усматриваем сходство с «Гением чистой красоты», и Ангелом из вариантов «К Н.Я. П<люсковой>», а также сложное душевное переживание любви, чего нельзя сказать о следующем отрывке, который, по всей видимости, относится уже к другой женщине, подчеркнуто юной особе (Елизавета была старше Пушкина на 20 лет). При этом в указанном нами собрании

⁴ Об этом смотри там же, с. 654.

сочинений с «Дубравами» печатается не первый, а второй отрывок при сохранении между ними горизонтальной линии, как в пушкинской рукописи, хотя именно приведенный нами отрывок был написан Пушкиным как продолжение начальных 9-ти строк. Об этом говорит и сходное построение конца первого отрывка и начала второго (ср. «*[И] ты, о [первая] любовь*» и «*И ты, которая навек*»).

Описанная в стихотворении ситуация связывается поэтом с чувством первой любви. Этот факт подчеркнут и эпиграфом из К. Виланда «*O Zauberei dor ersten Liebe!*». Стока позаимствована из поэмы Виланда «Первая любовь», имевшей, подзаголовок «К Психея». Интересно, что с Психеей современники соотносили Елизавету. Есть немало свидетельств этого соотнесения. Например, стихотворение Державина «Амур и Псишья», написанное по случаю обручения Елизаветы и Александра. Соотнесение это было практически общепринятым. Так, А. Крылов-Толстикович в книге «Императрица Елизавета Алексеевна» пишет: «Александр и Елизавета – юные молодожены, в духе эпохи, были немедленно наречены Амуром и Психеей. Во всех столичных книжных лавках продавали гравюры с Амуром, ловящим бабочку или изображающие двух влюбленных в страстных объятиях» [Крылов-Толстикович, 2012]. На обложке своих стихотворений 1826 года он хотел видеть именно Психею. Из письма поэта брату Льву и П. Плетневу от 15 марта 1825 года: «Виньетку бы не худо: даже можно, даже нужно – даже ради Христа, сделайте; именно: *Психея, которая задумалась над цветком...*» [Пушкин, 1951, 10, с.130]. Обложку сделать не удалось, а стихотворения, предположительно посвященные Елизавете, как мы видим, из сборника были изъяты.

Обратимся к контексту той части стихотворения Виланда, где упоминается Психея:

*O gute Psyche, welch ein Leben,
Hätt' ihm ein günstiges Geschick
Ein wenig Dauer nur gegeben!
Denn, ach! es war ein Augenblick! [Wieland 2024]**

В последней строке речь идет о мгновении, о кратковременном свидании, дарованном судьбой (Ср. «Я помню чудное мгновенье»). Взятая для эпиграфа строка помещена Виландом в следующий контекст:

*O Zauberei der ersten Liebe!
Noch jetzt, da schon zum Abend sich
Mein Leben neigt, beglückst du mich!
Noch denk' ich mit Entzücken dich,
Du **Götterstand** der ersten Liebe!
Was hat dieß Leben, das dir gleicht,
Du schöner Irrthum schöner Seelen? [Wieland 2024]*

Их подстрочный перевод:

* Везде выделено нами – М.М.

*О, волшебство первой любви!
Даже сейчас, когда уже клонится к вечеру
Моя жизнь, ты делаешь меня счастливым!
Я все еще с восторгом думаю о тебе,
Ты божество первой любви!
Что есть еще в этой жизни, что сравнимся с тобой,
Ты прекрасное заблуждение прекрасных душ?*

Здесь мы находим божественность (*Götterstand*) первой любви (ср. «божество» из стихотворения «К***»), а также сочетание «*schöner Seelen*», которое имеет особое значение в мировоззренческой концепции Виланда (у него даже есть эссе под названием «Was ist eine schöne Seele?»), в свое время усвоенной, как отмечает С.А. Салова, Г. Державиным. Под «*schöner Seelen*» понимается то, что получило название калокагатии. Р.Ю. Данилевский писал: «Из философии Шафтсбери он (Виланд – М.М.) заимствовал и мысль о тесной взаимосвязанности морали и эстетики, возрожденную Платонову «калокагатию» — единство добра и красоты» [Данилевский, 1978]. Другими словами, в идее «*schöne Seele*» мы наблюдаем то же сочетание качеств, которое находим в стихотворении Пушкина «К Н.Я. П<люсковой>» («Я пел на троне добродетель / С ее приветною красотой»), черновой автограф которого, что является в данном случае очень важным фактом, также был написан на обороте 44 листа Лицейской тетради, по которому, собственно, и определяют дату продолжения работы над «Дубравами...» [Пушкин, 2004, 2(1), с.655]. О многом говорит это соседство двух стихотворений. А причиной смены печали на радость могла стать обращенная к поэту просьба о написании стихов, посвященных императрице. Вспомним, что стихотворение было опубликовано в 1819 под названием «Ответ на вызов написать стихи в честь Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Елизаветы Алексеевны». Известно также свидетельство П.П. Каверина о том, что сама императрица в год своего сорокалетия, когда ей посвящалось немало стихов, выразила желание, чтобы и Пушкин был что-то написано для нее. Это свидетельство приводит Ю.Н. Щербачёв в своей книге «Приятели Пушкина: Михаил Андреевич Щербинин и Пётр Павлович Каверин»: «Императрица Елизавета спрашивала Жуковского, который в то время Александре Феодоровне по-русски уроки давал, от чего Пушкин сочиняя хорошо – ничего не напишет для нее. Пушкин послал: На лире скромной благородной и проч.» (орфография изменена) [Щербачев, 1912, с.78]

Итак, мы видим, что из двух поэтов Пушкин не только первым создает, но и всячески варьирует поэтическую ситуацию в своего рода цикле стихотворений с единой центральной ситуацией, и, по-видимому, с одним адресатом, а затем в 1825 году объединяет все это в стихотворении «К***», снабжая его строчкой Жуковского, и фактически вводя в него аллюзию на царствующую особу, а также комплекс мотивов, заложенных в претексте.

Пушкин и Жуковский: интертекстуальные переклички и их семантическое поле

Согласно законам интертекста, цитата всегда расширяет семантическое поле произведения за счет содержания претекста. И в данном случае сопоставление текстов двух поэтов может в определенной степени помочь в дешифровке пушкинского текста и его адресата, особенно, если учесть, что перекличка стихотворений Пушкина и Жуковского состоит не только в известной строке. Выражение «мимолетное виденье» также отсылает нас к стихотворению Жуковского. Оно соответствует следующим строкам из «Лаллы Рук»:

*Я смотрел — а призрак мимо
(Увлекая душу вслед)
Пролетал невозвратимо;
Я за ним — его уж нет!
Посетил, как упованье;
Жизнь минуту озарил;
И оставил лишь преданье,
Что когда-то в жизни был!* [Жуковский, 2000, 2, с.223]

Именно за ними и следует четверостишие, содержащее позаимствованное выражение:

*Aх! не с нами обитает
Гений чистой красоты;
Лишь порой он навещает
Нас с небесной высоты;* [Жуковский, 2000, 2, с.223]

Это значимые строки с учетом редких возможностей встреч и пересечений Пушкина с Елизаветой. В обоих стихотворениях «Гений чистой красоты» обладает чертами небожителя. У Пушкина образ возлюбленной наделен «небесными чертами» и «голосом нежным»⁵, а сама она соотносится с переживанием божественного.

В этом контексте обратимся еще к одному стихотворению Пушкина «В начале жизни школу помню я...» (1830), в котором в образе «величавой жены» вновь, уже после смерти императрицы, возникает ее образ.

Относительно этого стихотворения у исследователей также нет единого мнения. Оно рассматривалось и как иносказательное обращение к европейской культуре, и как автобиографическая зарисовка и даже как религиозная аллегория. Все они не исключают друг друга, а лишь говорят о многоплановости произведений Пушкина, позволяющей видеть в них разные грани смысла. Мы опустим

⁵ Актуально в контексте многочисленных упоминаний современников чарующего голоса Елизаветы. Например, фрейлина императрицы, княгиня Софья Мадатова замечала о Елизавете: «Приятный звук ее голоса мог очаровать самого равнодушного человека...». [Цит. по: Готовцева, 2011, с.175]

здесь обзор различных толкований, остановившихся лишь на тех из них, которые актуальны для решения нашей задачи. Мы придерживаемся мнения, что в стихотворении речь идет о лицейских впечатлениях Пушкина. Если его интерпретировать только в духе так называемых «медиевистской» или «дантовской» интерпретаций, оно утрачивает важный автобиографический подтекст, так как в нем речь идет о царскосельских воспоминаниях поэта, что неоднократно и убедительно было показано разными исследователями. В.И. Гарипова в статье «В начале жизни школу помню я...» (о комментировании пушкинской лирики) последовательно и убедительно доказывает, что в образе «величавой жены» выведена императрица. Мы же вновь обратимся к интертексту и сравним этот образ с образом Лаллы Рук Жуковского.

Вот строки из стихотворения Пушкина:

*Смиренная, одетая убого,
Но видом величавая жена
Над школою надзор хранила строго.*

*Толпою нашею окружена,
Приятным, сладким голосом, бывало,
С младенцами беседует она.*

*Ее чела я помню покрывало
И очи светлые, как небеса,
Но я вникал в ее беседы мало.*

*Меня смутила строгая краса
Ее чела, спокойных уст и взоров,
И полные святыни словеса. [Пушкин, 1950, 3, с.202]*

В описании «величавой жены» используются высокие «чело» (дважды), «очи», «уста», «взоры». «Сладкий голос» (ср. «голос нежный» из «К***»), очи «как небеса» (ср. «небесные черты»), «строгая краса» – все это создает образ возвышенной красоты, настолько высокой, что его даже соотносили с образом Богоматери. Например, православный священник Б.А.Васильев в своей книге «Духовный путь Пушкина» пишет: «”Величавая жена” – икона «Знамение» – чудотворный образ, который символизирует христианское мировоззрение и веру» [Васильев, 1995, с.90]. Автор отмечает, что эта икона «находилась в Знаменской церкви, построенной по указу Елизаветы Петровны в березовой роще близ Лицея» [Васильев, 1995, с.186]. Совсем не исключено, что черты образа Богоматери с этой иконы и впечатление от нее могли отразиться в стихотворении и были перенесены на образ «величавой жены», но эту версию трудно разделить безоговорочно, так как «величавая жена» в стихотворении выступает в качестве реальной женщины. Если строки «Над школою надзор хранила строго» интерпретировать символически, то только в качестве второго плана значений, так как реальная роль императрицы в Царскосельском Лицее хорошо известна. Отнести же на счет иконы «сладкий

голос», беседу с «младенцами» (лицеистами), которые окружали ее толпой, уже весьма затруднительно.

К теме Богоматери мы еще вернемся, а пока приведем интертекстуальные переклички между двумя стихотворениями. Выделим и те места, которые перекликаются с уже проанализированными стихотворениями.

Жуковский «Лалла Рук»:

*И блестая и пленяя —
Словно ангел неземной -
Непорочность молодая
Появилась предо мной;
Светлый завес покрывала
Отенял ее черты,
И застенчиво склоняла
Взор умильный с высоты.*

*Все — и робкая стыдливость
Под сиянием венца,
И младенческая живость,
И величие лица,
И в чертах глубокость чувства
С безмятежной тишиной —
Все в ней было без искусства
Неописанной красотой!*

[Жуковский, 2000, 2, с.222]

Пушкин «В начале жизни школу
помню я»

*Ее чела я помню покрывало
И очи светлые, как небеса,
Но я вникал в ее беседы мало.*

Вариант первоначального текста
белового автографа:

Одетая стыдливо и убого⁶

.....
*Меня смущала строгая краса
Ее чела, спокойных уст и взоров,
И полные святыни словеса.*

[Пушкин, 1950, 3, с.202]

Из сопоставления видно, что в 1830 году при обращении к образу императрицы стихотворение Жуковского вновь послужило Пушкину своего рода претекстом. Жуковский, согласно своему духовному мировоззрению, развивает мысль о нездешней природе Гения чистой красоты. В обоих стихотворениях мы видим практически божественный лик описываемых образов.

Вернемся к стихотворению «К***». Известно предположение о том, что у Керн стихотворение оказалось случайно, возможно из-за пушкинской рассеянности. Традиционно отнесение стихотворения к Керн строится на биографических фактах о первой встрече Пушкина с ней и позже на ее пребывании и общении с Пушкиным в Михайловском. Но известно, что в то же время, в сентябре 1825 года, императрица должна была проезжать недалеко от Михайловского по пути в Таганрог. Известно об отлучке Пушкина из Михайловского именно в то самое время, являющейся одним из непроясненных фактов в биографии поэта. О планах

⁶ В окончательной редакции – «Смиренная, одетая убого». Слово «убого» кажется странным в отношении императрицы, но оно объяснимо. Речь может идти о её скромном наряде. Ф.Толстой в своих воспоминаниях писал: «Я жил летом в Царском Селе. <...> Введенный Николаем Михайловичем Лонгиновым в кабинет Государыни, я был поражен как простотой ее туалета, так и обстановкой кабинета. На Елизавете Алексеевне было простенькое, безо всякого украшения платье обыкновенной летней материи, с накинутой на шею и плечи батистовой косынкой, заколотой обыкновенной булавкой» [Цит. по: Викторова, 2014, с.71]

императрицы Пушкину могли сообщить, и он мог написать ей это стихотворение, планируя вручить его вместе с экземпляром первой главы «Евгения Онегина» (отдельного издания)⁷. Пушкин пишет стихотворение не позднее 19 июля. Полемизируя с версией С.Ржеутского о том, что стихи были адресованы императрице, а к Керн попали случайно, Е.Н.Егорова пишет: «Зачем вообще было заранее, почти за два месяца до предполагаемой встречи готовить «послание» к Елизавете Алексеевне, которая останавливалась на станции Ашево близ Свято-горского монастыря 6 сентября 1825 года?» [Егорова, 2008]. На наш взгляд, здесь не учитывается психология влюбленного человека. Известие о возможной встрече могло всколыхнуть в душе поэта воспоминания и зародить надежду на встречу. Не случайно он пишет: *«И вот опять явилась ты»*. И явление это вновь как «мимолетное виденье», чего нельзя сказать о Керн, жившей в Тригорском недалеко от Михайловского около месяца и часто общавшейся там с Пушкиным, о чем тоже можно узнать из ее воспоминаний. Трудно соотнести с «чудным мгновеньем» и «мимолетным виденьем» первую встречу Пушкина с Керн, описанную в ее воспоминаниях. А вот то, как Пушкин впервые увидел императрицу, с этим переживанием легко соотносится. Это произошло на открытии Лицея в 1811 году, когда Пушкину было 12. Это объясняет и соотнесенность чувства с первой любовью.

Неоднократно возникал вопрос, почему достаточно простое и непрятательное стихотворение стало шедевром русской поэзии? Возможно, потому что оно несло в себе мощный заряд пушкинского чувства и в нем таилось намного больше, чем было сказано, и о нем можно было бы сказать словами Белинского, писавшего о «Евгении Онегине»: «Здесь вся жизнь, вся душа, вся любовь его».

Итак, Пушкин продолжает тему, начатую в 1817 году, но благодаря позаимствованной строке смысл стихотворения существенно расширяется, в том числе и до имплицитного указания на адресата, а позже, уже после смерти Елизаветы, ее образ вновь рисуется в чертах, сходных с образом Лаллы Рук Жуковского.

С одной стороны, благодаря строке претекста в стихотворение Пушкина входит многое из того, о чем уже не было надобности говорить, но благодаря интертексту могло быть прочитано между строк. С другой – все это звучало уже в других рассмотренных стихотворениях Пушкина и никак не противоречило восприятию облика адресата, в отличие от версии о Керн. Обобщим мотивы Жуковского, которые стояли за строкой «Гений чистой красоты» и работают в контексте других разобранных нами стихотворений Пушкина.

1. Адресат стихотворения – женщина королевских кровей с уникальным сочетанием небесной красоты и скромности («Она пленяла красотой, / Своей не зная красоты» [Жуковский, 2000, 2, с.224]) Фрейлины Императрицы, княгиня Софья Мадатова, Екатерина Дашкова говорили об исключительной скромности и непрятательности Елизаветы. Отсюда, кстати строка Пушкина «смиренная, одетая убого».

2. С ней связаны первые поэтические вдохновения поэта и первая любовь. Вспомним эпиграф Пушкина о первой любви и факт первой встречи с Елизаветой

⁷ Керн ошибочно указывала на вторую главу, которая вышла в свет только в 1826 году.

во время открытия Лицея в 1811 году. У Жуковского в «Явлении поэзии....» читаем:

*Как утро нового творенья,
Она пленительно пришла
И первый пламень вдохновенья
Струнами первыми зажгла. [Жуковский, 2000, 2, с.224]*

3. Она неизменная муз поэта, неиссякаемый источник его вдохновения. (У Жуковского: «Богиня песней», «При ней все мысли наши — пенье!»; «Я музу юную, бывало, / Встречал в подлунной стороне, / И Вдохновение летало / С небес, незваное, ко мне» [Жуковский, 2000, 2, с.234].

4. С ней связан дух возрождения («Она казалася прекрасной / Всеобновляющей весной»; [Жуковский, 2000, 2, с.225])

5. Она обладает божественным, нездешним обликом:

*Сама гармония святая —
Ее, как мнилось, бытие,
И мнилось, душу разрешая,
Манила в рай она ее. [Жуковский, 2000, 2, с.225]*

О последнем мотиве следует сказать особо, обращаясь уже к эссе Жуковского «Рафаэлева Мадонна». Оно было частью письма Жуковского великой княгине Александре Федоровне от 29 июня 1821 г. и включало автоцитату стихов 49–56, 61–64 из стихотворения «Лалла Рук». «Эссе «Рафаэлева Мадонна», опубликованное в ПЗ («Полярной звезде» — М.М) на 1824 год, стало не только эстетическим манифестом романтического искусства Жуковского; это была еще и первая фрагментарная публикация стихотворения «Лалла Рук» до его первой полной публикации в МТ («Московский телеграф» — М.М») [Жуковский, 2000, 2, с.600]. Альманах «Полярная звезда» был прочитан Пушкиным в начале 1824 года.

Эссе написано по поводу созерцания Жуковским Сикстинской Мадонны⁸ в Дрезденской галерее. Заметим, что в пушкинских текстах есть переклички с этим эссе, связанные с темой возвышенного божественного вдохновения. Например, в одной из маленьких трагедий, посвященных этой теме, Сальери, возмущенный плохим исполнением слепым скрипачом музыки Моцарта, с досадой говорит:

*Мне не смешно, когда маляр негодный
Мне пачкает Мадонну Рафаэля [Пушкин, 1950, 3, с.360]*

Похожая реакция на искажение великого произведения искусства есть в самом начале эссе Жуковского, где поэт сообщает, что у него было несколько неудавшихся попыток насладиться Мадонной Рафаэля, в одну из которых перед картиной «торчала какая-то фигурка с пудрою головою» и что «эта проклятая

⁸ К слову отметим, что в кабинете-библиотеке Елизаветы Алексеевны висела большая копия этой картины. И хотя стихотворение Пушкина «Мадонна» — это другая история, невольно вспоминаются и строки из него.

фигурка еще держала в своей дерзкой руке кисть и беспощадно ругалась над великою душою Рафаэля, которая вся в этом чудесном творении» [Жуковский, 2004, 13, с.188] В заключительной части эссе Жуковский вновь возвращается к мысли о невозможности воспроизвести картину: «*И в самом деле надообно быть или безрассудным, или просто механическим мальром без души, чтобы осмелиться списывать эту Мадонну»* [Жуковский, 2004, 13, с.188]. В эссе Жуковского прослеживается и мысль о божественной природе вдохновения, связанной с историей написания картины: «*Сказывают, что Рафаэль, натянув полотно свое для этой картины, долго не знал, что на нем будет: вдохновение не приходило; однажды он заснул с мыслию о Мадонне, и верно какой-нибудь ангел разбудил его — он вскочил! Она здесь! закричав, он указал на полотно и начертил первый рисунок. И в самом деле, это не картина, а видение»* [Там же]. Явившаяся Рафаэлю во сне Мадонна стала его Музой, вдохновительницей. В этом эссе у Жуковского вновь появляется «Гений чистой красоты». Поэт описывает почти эзотерическое переживание собственной души, которое он испытал перед картиной: «*Я был один, вокруг меня было все тихо; сперва с некоторым усилием вошел в самого себя; потом ясно начал чувствовать, что душа распространялась; какое-то трогательное чувство величия в ней входило; неизобразимое было для нее изображено, и она была там, где только в лучшие минуты жизни быть может. Гений чистой красоты был с нею»* [Жуковский, 2004, 13, с.189]. Далее следуют его строки из стихотворения «Лалла Рук».

«Гений чистой красоты» в стихотворении Жуковского словно делает себя на мгновение зримым в женском облике, но такие мгновения всегда мимолетны. Вот почему картина названа Жуковским «божественным созданием» и «видением». В его эссе есть слова: «один раз душе человеческой было подобное откровение: дважды случиться оно не может» [Жуковский, 2004, 13, с.191]. Не так ли происходит в жизни человека с истинной любовью? У самого Жуковского такая любовь была к Марии Протасовой, у Пушкина, возможно, к императрице Елизавете. Именно такая преданность сердца описана Пушкиным в стихотворении «Жил на свете рыцарь бедный...», в одном из писем названном поэтом «Балладой о Рыцаре, влюбленном в Деву». Герой стихотворения всей душой предан Богоматери, но многое в стихотворении говорит о том, что это не религиозное чувство, а чувство к женщине, поднимающееся на небывалую высоту. И в нем опять «виденье»:

*Он имел одно виденье,
Непостижное уму,
И глубоко впечатление
В сердце врезалось ему. [Пушкин, 1950, 3, с.114]*

В контексте нашей работы невозможно пройти мимо этого «виденья», вновь не вспомнив «К***». Эта параллель была отмечена и В.Я.Проппом, сравнившим три редакции стихотворения «Жил на свете рыцарь бедный...» и пришедшим к выводам: «эта вещь насквозь лирическая» [Мартынова, Прозорова, 2002, с.301]; «весь замысел не о религиозном человеке, не о святом» [Там же]; «он увидел женщину во всем ее сиянии, во внутреннем блеске и свете» [Мартынова,

Прозорова, 2002, с.302]; «Он увидел такое воплощение женской красоты, чистоты, совершенства, по сравнению с которым все другие, т.е. земные женщины перестают существовать» [Там же]. Здесь вспоминается и мысль Томашевского по поводу строки Жуковского: «Пушкин воспользовался данной формулой Жуковского, хотя и не для того, чтобы воспроизвести поэтическую философию Жуковского, а чтобы возвести воспеваемый образ на высоту, равную по чистоте лирическим образам Жуковского» [Томашевский, 1961, с.79]. Ту же природу имеет и образ Богоматери в пушкинском стихотворении, за которым тоже может скрываться женщина, отношение к которой и отношения с которой совершенно особые, поднятые на недосягаемую высоту. В первой версии стихотворения были слова «*тлея девственной любовью*», замененные позже на «*полон верой и любовью*». Замена стала невыразительной, в то время как первоначальный вариант мог отражать истинное положение дел – некая женщина была для Пушкина недоступна. Так где же во всем этом тонком диалоге текстов место Анне Петровне Керн, о которой Пушкин писал в письмах, порой совершенно не стесняясь в выражениях?

Заключение

Таким образом, интертекстуальный анализ нескольких стихотворений Пушкина с точки зрения образного и лексического строя произведений, перекличек тем и мотивов, а также с учетом особенностей работы поэта над текстом показывает, что стихотворение «К***» стоит в одном ряду с другими произведениями поэта, образующими своего рода единство и объединенными одним адресатом. К ним относятся «К ней», «Дубравы, где в тиши свободы...», «К Н.Я. П<люсковой>», «В начале жизни школу помню я...»). Это подтверждается и мотивами, которые вошли в пушкинское произведение вместе с позаимствованной из произведений Жуковского фразой «Гений чистой красоты». К ним относятся сопряженность образа возлюбленной с царствующей особой и женщиной высочайших нравственных достоинств и «небесной» красоты, мотивы первой любви и божественного вдохновения, связанные с образом женщины-Психеи/Ангела/Мадонны. Это тот случай, когда о цитате можно сказать словами О.Мандельштама: «Цитата не есть выписка. Цитата есть цикада. Неумолкаемость ей свойственна» [Мандельштам 1987, с.113] Позаимствованная Пушкиным у Жуковского строка «Гений чистой красоты» вводит в текст стихотворения целый комплекс дополнительных имплицитных смыслов, которые не укладываются в версию о Керн, как об адресате стихотворения, в то время, как все указывает на достоверность версии об императрице, способной в отличие от Керн оценить все его потаенные смыслы. Наш анализ показал значимость и решающую роль интертекстуального подхода в разрешении такого спорного вопроса, как проблема адресата. Мы считаем, что версию об императрице Елизавете Алексеевне пора признать убедительной и включать ее в комментарии и примечания к тексту пушкинского стихотворения, а также в учебники и учебные пособия.

MARIANNA MKRTCHYAN – *Intertextual Analysis of A.S. Pushkin's "I Remember a Wonderful Moment...": On the Controversy About the Addressee.* – The article is devoted to the intertextual analysis of Pushkin's poem “To***” (“A Magic Moment I Remember...”) based on its comparison with the other poems by Pushkin and with the works of V.A. Zhukovsky, who is the author of the famous line “The genius of pure beauty”.

The generally accepted addressee of the poem is A.P. Kern, although this version has been repeatedly questioned. The Empress Elisaveta Alexeevna is increasingly named as the addressee. This version has been expressed many times, but for the first time we have considered it from the standpoint of the intertextual approach. The analysis of the image of the beloved, the lexical structure of the several poems by Pushkin and intersections of their themes and motives, and also the features of the poet's work on the text drafts shows that the poem “To***” can be put in one row with other works that form a certain unity together and are united by the same addressee. These include “To her”, “The Oak groves, where in the silence of the freedom...”, “To N.Ya. P<lyuskova>”, “At the beginning of my life I remember school...”). In turn, the line “The genius of pure beauty” borrowed by Pushkin from Zhukovsky introduces into the text of the poem a whole set of additional implicit meanings that do not fit into the version about Kern as its addressee.

The analysis of both poets' texts, one more time, insistently shows the necessity to review to whom the poem was addressed, as well as to include the second version into textbooks and tutorials.

Key words: “*A Magic Moment I Remember...*”, “*The genius of pure beauty*”, *A.S. Pushkin*, *V.A. Zhukovsky*, *intertextual analysis*, *addressee of the poem*, *A.P. Kern*, *The Empress Elisaveta Alexeevna*.

Источники

- Державин, Г.Р., 2019. *Собрание сочинений в 10-ти томах*. Т.1. Москва: Народное образование.
- Жуковский, В.А., 1999-2019. *Полное собрание сочинений и писем в двадцати томах*. Москва: Языки русской культуры.
- Карамзин, Н.М., 1966. *Полное собрание стихотворений*. Москва-Ленинград, Советский писатель.
- Пушкин, А.С., 1950. Полное собрание сочинений в 10-ти томах. Москва-Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1950-1951.
- Пушкин, А.С., 2004. *Полное собрание сочинений в 20 томах*. Санкт-Петербург: Наука. 1999-2019.
- Wieland, Ch.M., 2024. *Die erste Liebe*. Projekt Gutenberg-De. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/wieland/gedichte/chap007.html> [дата обращения 12.09.2024]

Список научной литературы

- Аринштейн Л., 2012. *Пушкин: И про царей и про цариц*. Москва: Игра слов.
- Белецкий, А.И., 1964. *Избранные труды по теории литературы*. Москва: Просвещение.
- Варламова, И., 2014. Александр Пушкин мог быть влюблен в императрицу Елизавету. *Российская газета*, 127 (6399). URL: <https://rg.ru/2014/06/06/pushkin.html> [дата обращения 22.07.2024]
- Васильев, Б.А., 1995. *Духовный путь Пушкина*. Москва: Sam & Sam.
- Васильева, Л.Н., 2011. *Жена и Муз: Тайна Александра Пушкина*. Москва: Бослан.
- Викторова, К.П., 2014. *Пушкин и императрица. Тайная любовь*. Москва: Алгоритм.

- Гарипова, В.И., 2003. «*В начале жизни школу помню я...*» (о комментировании пушкинской лирики). URL: <https://socionavtika.narod.ru/Staty/diegesis/pushkin.htm> [дата обращения 25.07.2024]
- Гаспаров, Б.М., 1996. *Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка*. Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband, Wien, 27.
- Городецкий, Б.П., 1962. *Лирика Пушкина*. Москва-Ленинград: Издательство Академии наук СССР.
- Готовцева А.Г., 2011. Как «природа» обернулась «свободой»: К истории публикации одного пушкинского текста в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения». *Вестник РГГУ*, 6(68)/11, сс.166-179.
- Данилевский, Р.Ю., 1978. Виланд и его «история абдеритов». В кн: К.М. Виланд. *История абдеритов*. М.: Наука. URL: <http://www.philology.ru/literature3/danilevsky-78.htm> [дата обращения 12.09.2024]
- Егорова, Е.Н., 2008. Кому посвящены стихи «Я помню чудное мгновенье». URL: <https://proza.ru/2008/08/28/5> [дата обращения 01.07.2024]
- Крылов-Толстикович А., 2012. *Императрица Елизавета Алексеевна*. URL: <https://proza.ru/2012/11/18/409> [дата обращения 15.09.2024]
- Мандельштам, О.Э., 1987. *Слово и культура: Статьи*. Москва: Советский писатель.
- Мартынова, А.Н. и Прозорова, Н.А., 2002. *Неизвестный В.Я. Пропп*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Салова, С.А., 2011. К.М. Виланд в рецепции Г.Р. Державина. *Литературоведческий журнал*, 28: Материалы III Международного симпозиума «Русская словесность в мировом культурном контексте», сс.34-42.
- Смирнов, И.П., 1985. Порождение интертекста. Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л. Пастернака. *Wiener Slawistischer Almanach ·Sonderband*, 17.
- Томашевский, Б.В., 1934. Материалы по истории первого собрания стихотворений Пушкина (1826 г.). В кн.: Литературное наследство. Т. 16/18. *Александр Пушкин*. Москва: Журнально-газетное объединение, сс.825-868.
- Томашевский, Б.В., 1961. *Пушкин: [В 2 кн.] Кн. 2. Материалы к монографии (1824—1837)*.J. Москва; Ленинград: Издательство АН СССР.
- Чистова И.С., 1996. К кому обращено стихотворение А.С. Пушкина «К ней»? *Русская речь*, 5, сс.3-10.
- Щербачев, Ю.Н., 1912. *Приятели Пушкина. Михаил Андреевич Щербинин и Петр Павлович Каверин*. Москва: Издание Императорского общества и древностей российских при московском университете.

References

- Arinshteyn L., 2012. Pushkin: *I pro tsarey i pro tsarits.* [*Pushkin: Of Kings and Queens*]. Moscow: Igra slov Publ. (In Russian).
- Beletskiy, A.I., 1964. *Izbrannye trudy po teorii literatury*. [*Collected Works on Theory of Literature*]. Moscow: Prosveshhenie Publ. (In Russian).
- Varlamova, I., 2014. Aleksandr Pushkin mog byt' vlyublen v imperatritsu Elizavetu. [Alexander Pushkin May Have Been in Love with Empress Elizabeth]. *Rossiyskaya gazeta*, 127 (6399). URL: <https://rg.ru/2014/06/06/pushkin.html> [Accessed 22.07.2024] (In Russian).
- Vasil'ev, B.A., 1995. *Dukhovnyy put' Pushkina*. [*Pushkin's Spiritual Path*]. Moscow: Sam & Sam. Publ. (In Russian).
- Vasil'eva, L.N., 2011. *Zhena i Muza: Tayna Aleksandra Pushkina*. [*Wife and Muse: The Mystery of Alexander Pushkin*]. Moscow: Boslen. Publ. (In Russian).
- Viktorova, K.P., 2014. *Pushkin i imperatritsa. Taynaya lyubov'*. [*Pushkin and the Empress: The Secret Love*] Moscow: Algoritm. Publ. (In Russian).

- Garipova, V.I., 2003. «*V nachale zhizni shkolu pomnyu ya...*» (o kommentirovaniu pushkinskoy liriki). [«At the beginning of my life, I remember school» (about commenting on Pushkin's lyrics]. URL: <https://socionavtika.narod.ru/Staty/diegesis/pushkin.htm> [Accessed 25.07.2024] (In Russian).
- Gasparov, B. M., 1996. *Poeticheskiy yazyk Pushkina kak fakt istorii russkogo literaturnogo yazyka*. [Alexander Pushkin's Poetic Diction as a Fact of Russian Literary Language History]. Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband, 27. (In Russian).
- Gorodetskiy, B.P., 1962. *Lirika Pushkina*. [Pushkin's Lyrics]. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the Soviet Union. Publ. (In Russian).
- Gotovtseva A.G., 2011. Kak «priroda» obernulas' «svobodoj»: K istorii publikacii odnogo pushkinskogo teksta v zhurnale «Sorevnovatel' prosvescheniya i blagotvoreniya». [How «nature» turned into «freedom»: On the history of the publication of one of Pushkin's texts in the journal «Sorevnovatel' prosvescheniya i blagotvoreniya»] *Vestnik RGGU*, 6(68)/11, pp.166-179. (In Russian).
- Danilevskiy, R. Yu., 1978. Wieland i ego «istoriya abderitov». [Wieland and his «History of the Abderites»] In: Ch.M. Wieland. *Istoriya abderitov*. Moscow: Nauka. URL: <http://www.philology.ru/literature3/danilevsky-78.htm> [Accessed 12.09.2024] (In Russian).
- Egorova, E.N., 2008. *Komu posvyashcheny stikhi «Ya pomnyu chudnoe mgnoven'ye*. [To Whom is the Poem «I remember a Wonderful moment...» dedicated?] URL: <https://proza.ru/2008/08/28/5> [Accessed 01.07.2024] (In Russian).
- Krylov-Tolstikovich A., 2012. *Imperatritsa Elizaveta Alekseevna*. [The Empress Elisaveta Alexeevna] <https://proza.ru/2012/11/18/409> [Accessed 15.09.2024] (In Russian).
- Mandel'shtam, O.E., 1987. *Slovo i kul'tura: Stat'i*. [Word and culture: Articles]. Moscow: Sovetskiy pisatel'. Publ. (In Russian).
- Martynova, A. N. and Prozorova, N. A., 2002. *Neizvestnyy V.Ya. Propp*. [Unknown V.Ya. Propp]. St.Petersburg: Aleteyya. Publ. (In Russian).
- Salova, S.A., 2011. Ch.M. Wieland v receptsii G.R.Derzhavina. [Wieland in Derzhavin's reception] *Literaturovedcheskiy zhurnal*, 28: Materialy III Mezhdunarodnogo simpoziuma «Russkaya slovesnost' v mirovom kul'turnom kontekste», pp.34-42. (In Russian).
- Smirnov, I.P., 1985. Porozhdennie interteksta. Elementy intertekstual'nogo analiza s primerami iz tvorchestva B.L.Pasternaka. [Generation of intertext (elements of intertextual analysis with examples from the works of B. Pasternak]. *Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband*, 17. (In Russian).
- Tomashevskiy, B.V., 1934. Materialy po istorii pervogo sobraniya stihotvorenij Pushkina (1826). [Materials on the History of the First Collection of Pushkin's poems (1826)] In.: Literaturnoe nasledstvo. T. 16/18. *Aleksandr Pushkin*. Moscow: Zhurnal'no-gazetnoe ob'edinenie Publ., pp.825-868. (In Russian).
- Tomashevskij, B.V., 1961. *Pushkin*. [In 2 books] Book 2. *Materialy k monografii (1824—1837)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the Soviet Union. Publ. (In Russian).
- Chistova I.S., 1996. K komu obrashcheno stihotvorenie A.S.Pushkina «K ney»? [To Whom is the Poem «To her» addressed]. *Russkaya rech'*, 5, pp.3-10. (In Russian).
- Shcherbachev, Yu.N., 1912. *Priyateli Pushkina. Mihail Andreevich Shcherbinin i Petr Pavlovich Kaverin*. [Pushkin's acquaintances Mihail Andreevich Shcherbinin i Petr Pavlovich Kaverin] Moscow: Imperial Society and Russian Antiquities at Moscow University Publ. (In Russian).

КОНТЕКСТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННЫХ МЕСТОИМЕНИЙ С «-НИБУДЬ»

ДИАНА ГАЗАРОВА^{*}

Ереванский государственный университет

Аннотация: В статье рассматриваются особенности функционирования неопределенных местоимений с **-нибудь**. Значение неопределенности выражают все неопределенные местоимения: с **-то**, **-нибудь**, **-либо**, **кое-**, **не-**. Однако не во всех случаях эти местоимения взаимозаменяемы. На выбор местоимения влияют различные лингвопрагматические факторы. В статье представлено шесть основных контекстов, в которых становится возможным употребление местоимений с **-нибудь**: 1) предложения со значением вероятности, 2) условные и вопросительные предложения, 3) императивные предложения и ситуации, относящиеся к плану будущего, 4) контексты снятой утвердительности и косвенного отрицания, 5) предложения со значением дистрибутивности и многократности и 6) предложения со значением оценки. Нами рассмотрены лингвопрагматические факторы, влияющие на их функционирование. На употребление неопределенных местоимений с **-нибудь** влияет наличие у них значения нефиксированного референта. Эти местоимения возможны прежде всего в ситуациях, в которых действие еще не совершено, где лишь высказывается вероятность того, что действие может произойти. Невыбранность, нефиксированность референта делает возможным употребление рассмотренных нами местоимений в контекстах со значением вероятности, побуждения к действию, вопросительных конструкциях, ирреальных, в ситуациях, относящихся к плану будущего. В контекстах, относящихся к прошлому, употребление неопределенных местоимений с **-нибудь** возможно только при условии, что речь идет о многократном событии, действии, у которого нет одного конкретного референта. Местоимения с **-нибудь** способны выражать оценку говорящим описываемого им предмета/лица/явления. Особенно ярко проявляется это в сочетании с именами собственными. Рассматриваются также контексты, в которых местоимения с **-нибудь** выражают пренебрежительное отношение говорящего.

Ключевые слова: неопределенные местоимения, референция, оценка, косвенное отрицание.

* Диана Газарова – кандидат филол. наук, доцент, декан факультета русской филологии ЕГУ

Diana Gazarova – PhD, Associate Professor, Dean of YSU Faculty of Russian Philology

Դիանա Գազարովա – բանասիրական գիտությունների թեկնածու, դոցենտ, ԵՊՀ ուսումնական ֆակուլտետի դեկան

Эл. почта: dgazarova@ysu.am <https://orcid.org/0009-0008-4632-7128>

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License.

Получено: 16.12.2024

Рецензия: 26.12.2024

Одобрено: 27.12.2024

© The Author(s) 2024

Введение

Неопределенные местоимения выражают различную степень неопределенности: собственно неопределенное значение, относительную, частичную неопределенность, смягчение оценки, оценку, пренебрежительное отношение и т.д. Собственно неопределенность передается практически всеми неопределенными местоимениями. Однако не во всех случаях они бывают взаимозаменяемы, так как имеются некоторые различия в оттенках значения неопределенности, и эти различия подчеркивают, с одной стороны, невозможность их взаимозамены и, с другой стороны, выражают субъективное отношение автора высказывания к характеризуемому объекту. Чаще всего при изучении неопределенных местоимений и при обучении им акцентируется оппозиция местоимений с *-то* и *-нибудь*. Несмотря на инвариантность значения неопределенности, местоимения с *-то* и *-нибудь* различаются оттенками смысла. В статье мы выделили основные контексты, в которых становится возможным употребление неопределенных местоимений с *-нибудь*, рассмотрели лингвопрагматические факторы, влияющие на их функционирование.

Основная часть

Одним из главных критериев различия неопределенных местоимений с *-то* и *-нибудь* являются их референциальные свойства. Ю.И. Левин называет местоимения типа *кто-то* фиксированно-неопределенными, а местоимения типа *кто-нибудь* – нефиксированно-неопределенными. В первом случае мы имеем: элемент X неизвестен отправителю, но фиксирован (до момента речи), X – определенное лицо, но кто именно – говорящему неизвестно [Левин, 1973, с.116]. Ср.: *Тебе кто-то/*кто-нибудь звонил*.

Учитывая фиксированность и нефиксированность объекта, на который указывают неопределенные местоимения с *-нибудь*, М. Хаспельмат причисляет местоимения с *-нибудь* к неконкретным ирреальным местоимениям (*irreals non-specific*), а местоимения с *-то* – к конкретным неизвестным (*specific unknown*) [Haspelmath, 1997, p.65]. Местоимения с *-то* относятся к уже прошедшему событию:

Два детских голоса (Степан Аркадьевич узнал голоса Гриши, меньшого мальчика, и Тани, старшей девочки) послышались за дверьми. Они что-то везли и уронили. (Л.Н. Толстой)

Для местоимений с *-нибудь* характерна максимальная степень неопределенности; выделяемый элемент X не только неизвестен и отправителю, и получателю, но и (в момент сообщения) не фиксирован даже в принципе [Левин, 1973, с.117].

Может быть, это еще и неправда. Ты завтра съезди к кому-нибудь и спроси. (А. Чехов); *Мы привыкли к тому, что римский прокуратор выбирает слова, прежде чем что-нибудь сказать. Не услышал бы нас кто-нибудь?* (М. Булгаков)

Е.В. Падучева противопоставляет местоимения с *-то* и *-нибудь* как собственно-неопределенные и нереферентные местоимения. Лингвист придерживается того мнения, что если говорящий не имеет в виду конкретного рефераента, то рефераента на данный момент и не существует, поэтому местоимения типа *-нибудь* она называет нереферентными [Падучева, 1985, Падучева, 1997].

А.Д. Шмелев, напротив, воздерживается при сравнении данных местоимений от учета степени неопределенности в качестве критерия: «Общей идеей местоимения *какой-то* является значение ‘говорящий понимает, что может потребоваться более точная характеристика; но он не может описать объект точнее’. Такая формулировка общей идеи данного местоимения предпочтительна по сравнению с формулировкой ‘неизвестность’; она позволяет объяснить, в частности, сомнительность примеров типа *?Из леса вышел какой-то волк* при приемлемости *По двору бегала какая-то собака*» [Шмелев, 2002, с.128]. Что же касается местоимения *какой-нибудь*, то основное его значение заключается в том, что «‘говорящий, думая о разных «случаях», допускает, что в них данную роль выполняют разные объекты’. Именно наличие этой идеи объясняет употребление *какой-нибудь* (как и других местоимений на *-нибудь*) лишь в контексте «миро-порождающих» (иначе говоря, порождающих денотативные пространства, т.е. «случаи») операторов» [там же: 130].

Рассмотрим ситуации, в которых становится возможным употребление неопределенных местоимений с ***-нибудь***. Поскольку элемент не фиксирован, то эти местоимения употребляются в основном в ирреальных конструкциях, предполагающих возможную, потенциальную фиксированность элемента.

1. Предложения со значением вероятности

Именно нефиксированность референта, незакрепленность за конкретным участником события обуславливает частое употребление местоимений с ***-нибудь*** в сочетаниях с вероятностными словами, в ирреальных конструкциях, в которых референт еще не выбран:

У Гончаровой есть сосед: маленький французский мальчик, обожающий рисовать. Сколько бы раз я ни вышла на лестницу: «Bonjour, Madame!» – и сейчас показывать. – Стережет. – Пока какие-то караульки, но любит страстно. Может быть, что-нибудь и выйдет ... (М. Цветаева)

Этот пример демонстрирует различие между фиксированным элементом и нефиксированным: сначала употреблено местоимение с ***-то*** (*какие-то караульки*), когда элемент фиксирован, в случае же нефиксированности уже употреблено местоимение с ***-нибудь***. Безусловно, на разницу в значении влияет и то, какие местоимения употреблены: местоимения-субстантивы или местоимения-адъективы.

Такие ситуации (со значением вероятности) Е.В. Падучева называет ситуацией альтернативой: «такая ситуация возникает, если пропозиция находится в сфере действия оператора ‘возможно’» [Падучева, 1985, с.215]:

Трудно сказать, как именно создалось такое состояние. Быть может, существовали какие-нибудь природные свойства, какие-нибудь органические неправильности нервных центров (М. Зощенко); Возможно, что кто-нибудь из них найдет свое призвание в биологии (А. Демин); Видимо, от перрона отходил какой-нибудь поезд (А. Иличевский), Уж не знаю, законным или незаконным путем переслал. Скорей всего, каким-нибудь законным, ибо иначе ему было бы несдобривать (Е. Попов).

А.Д. Шмелев отмечал, что «местоимения на *–нибудь* не могут быть употреблены в контексте «квазиассертивов» – таких слов, как *кажется*, *вроде*. Можно сказать: *Кажется, кто-то пришел*, - но нельзя **Кажется, кто-нибудь пришел*. Дело в том, что эти слова (в отличие от показателей гипотетичности *вероятно, наверно, возможно*) не выражают предположение, а свидетельствуют, что говорящий не уверен в имеющихся у него сведениях. Условие употребления показателя гипотетичности – говорящий не располагает непосредственной информацией о реальном положении дел; «квазиассертивы» же используются, когда говорящий почему-либо не вполне доверяет имеющейся у него непосредственной информации о реальном положении дел» [Шмелев, 2002, с.109]. Квазиассертивы являются способом выражения категории эвиденциальности (от лат. *evidentia* – очевидность, наглядность), и потому значение наглядности, непосредственного наблюдения делает невозможным употребление неопределенных местоимений с *–нибудь* в этих контекстах. Однако, как только возникает ситуация со значением условия, ситуация меняется и ограничения в употреблении снимаются. Ср.: *Кажется, войди кто-нибудь в эту комнату, то она бы все ему рассказала.*

Таким образом, местоимения с *–нибудь* возможны прежде всего в ситуациях, где действие еще не совершено, где лишь высказывается вероятность того, что действие может произойти.

2. Условные и вопросительные предложения

В отличие от ситуаций с использованием местоимений с *–то*, в которых существует референт, но говорящий не уверен, не знает, кто именно совершил действие, при использовании местоимения с *–нибудь* говорящий не уверен в самом действии, а не в том, кто является референтом. Именно этим и обусловлено частое употребление местоимений с *–нибудь* в условных, вероятностных, ирреальных высказываниях.

Если со мной что-нибудь случится, то не надо обращать внимания. (Л. Андреев); - Знаете ли Вы Артура Торнстрема?- Да, - отвечаю, - вчера познакомились. - Задавал ли он *какие-нибудь* провокационные вопросы? (С. Довлатов); *Если мне кто-нибудь позвонит, передай, что я буду через час.*

На значение неопределенности накладывается и значение уступки. В случаях с местоимениями с *–то* это значение не наблюдается.

*А если спросит кто-нибудь ...,
Ну кто бы ни спросил,
Скажи им, что навылет в грудь
Я пулей ранен был (М. Лермонтов).*

Атеизм был бы самой лучшей религией, если бы обещал после смерти хоть что-нибудь, кроме светлой памяти в сердцах товарищей (Ю. М. Поляков); Унес все, что смог. Там хоть что-нибудь осталось? (М. Петросян); Антоша физиков просто обожал и знал, что если есть в стране хоть кто-нибудь, на кого можно опереться, то это физик (В. Аксенов).

В. Гуревич, говоря об этой особенности местоимений с *-нибудь*, отмечал: «Местоимение *что-нибудь* указывает, что называемое в предложении событие не зависит от того, какой именно элемент множества в нем участвует. Выражение *что бы то ни было*, как и слово *что-нибудь*, требует в главной части модальности не-факта или многократности действия» [Гуревич, 1983, с.56].

3. Императивные предложения и ситуации, относящиеся к плану будущего

Исследователи отмечают и такой признак различия местоимений с *-то* и *-нибудь*, как наличие/отсутствие альтернативы. В частности, О.Н. Селиверстова отмечает, что местоимения с *-нибудь* указывают на наличие альтернативы. «Местоимения с *-нибудь* всегда показывают, что актантной позиции соответствует некоторый выбор альтернатив, создаваемый элементами описываемого множества или членами класса, но при этом актантная позиция будет (должна, может и т. д.) или была бы (если бы событие реализовалось) заполнена только одной (или иногда – по крайней мере одной, но не всеми) из возможных альтернатив. Напротив, местоимения с *-то* указывают на отсутствие альтернативы или – в некоторых условиях – не несут информации о наличии альтернативы» [Селиверстова, 1988, с.106]. Ср.:

(1) *Она собирается купить какую-то книгу* и (2) *Она собирается купить какую-нибудь книгу*. В предложении (1) объект уже выбран, он неизвестен говорящему, но известен субъекту. В предложении же (2) объект не выбран, не фиксирован, неизвестен ни говорящему, ни субъекту и предполагает возможность выбора.

В ситуациях, где референт пока не существует, но предполагается его существование в будущем, возможно употребление местоимений с *-нибудь*: *Рано утром выйду из гостиницы. Будет прохладно и сырьо. Меня остановит какой-нибудь голодранец и спросит: - Нет ли спичек?* (С. Довлатов) Поскольку ситуация относится к плану будущего, то еще и неизвестно, будет ли совершено то или иное действие, а если и будет, то пока неясно, кто именно займет позицию референта. Ввиду этой неуверенности в совершении действия и употребляются местоимения с *-нибудь* в контекстах, относящихся к плану будущего.

Часто употребляются местоимения с *-нибудь* в повелительных предложениях (*Спой что-нибудь, сыграй что-нибудь из Шопена и т.п*), в отличие от местоимений с *-то*. В связи с этим Е.В. Падучева отмечает, что, если предмет не известен говорящему, он не может идентифицировать его для слушателя, а это делает невозможным выполнение просьбы [Падучева, 1985, с.212].

Интересен в этом аспекте следующий пример, демонстрирующий то, что местоимения с *-нибудь* содержат в себе значение выбора, граничащее со значением «безразлично какой»: *Сначала ты мне все купишь – и не что-нибудь, а то, что я скажу* (В. Пелевин).

Употребление местоимений с *-нибудь* в императивах обусловлено прежде всего значением альтернативы, возможности выбора. Если говорящий просит что-нибудь выполнить, то он, как правило, должен хоть как-то конкретизировать свою просьбу. В противном случае он предоставляет право выбора слушающему, при

этом говорящий может лишь немножко сузить границы сферы неопределенности (*Почитай что-нибудь из Пушкина, купи мне что-нибудь сладкое*).

4. Контексты снятой утвердительности и косвенного отрицания

Нефиксированность референта, о чем говорилось выше, обусловливает функционирование неопределенных местоимений с **-нибудь** в контекстах снятой утвердительности и косвенного отрицания.

Косвенное отрицание связано с понятием отрицательной полярности, которое впервые было предложено К. Бейкером. Языковое явление, описываемое этим понятием, состоит в том, что «в то время как большинство слов и идиом могут находиться и в утвердительных, и в отрицательных предложениях, имеются единицы, которые могут быть названы полярно-чувствительными, в том смысле, что они могут находиться или только в утвердительных, или только в отрицательных предложениях» [цитируется по: Татевосов, 2002, с.156]. Единицы первого типа, соответственно, называются положительно-, или утвердительно-полярными, второго типа – отрицательно-полярными. Так, русское идиоматическое выражение *пошевелить пальцем* и соответствующее ему английское *lift a finger* являются примерами отрицательно-полярных единиц (ОПЕ) [там же].

Как отмечается в Корпусной грамматике, «местоимения отрицательной полярности – это местоименные слова или обороты, которые, не будучи сами по себе отрицательными, не могут употребляться иначе, как в контексте отрицания или в некоторых других, ему подобных, в частности в контексте условия или вопроса. В русском языке отрицательную полярность (ОП) имеют местоименные слова на *-либо* (*какой-либо, что-либо* и т.д.) и на *бы то ни было* (*какой бы то ни было, что бы то ни было* и т.д.). Например, можно сказать: *На Марсе нет каких-либо* (*каких бы то ни было*) *разумных обитателей*; или спросить: *На Марсе есть какие-либо* (*какие бы то ни было*) *разумные обитатели?* Но нельзя сказать: **На Марсе есть какие-либо* (*какие бы то ни было*) *разумные обитатели*» [Падучева, 2015, http].

На эту особенность местоимений с **-либо, -нибудь** указывала и Е.В. Падучева, говоря о контексте снятой утвердительности [2005, http]. Соединение предиката с субъектом требует от предиката (например, глагола) предикативной формы, а предикативная — финитная — форма во многих языках (в частности, в русском), выражает, по умолчанию, изъявительное наклонение, т. е. утвердительную модальность. Нужны специальные средства, чтобы эту модальность снять [Падучева, 2005, http].

Контекст снятой утвердительности создают формы императива, модальные слова (такие как *может, хочет, должен, необходимо*); отрицание, (в том числе – внутрileксемное, как *отказываться, запрещать, отрицать*), вопрос, дизъюнкция, целевые и условные союзы; неуверенность, предположительность, нереальность; многие предикаты пропозициональной установки и перформативные глаголы. Поскольку указанные случаи, как правило, относятся к ирреальной модальности, то чаще всего в данных предложениях употребляются нефиксированно-неопределенные местоимения с **-нибудь**:

Эви сильно *сомневался*, что *кто-нибудь* поверит, будто они утонули (Ю. Лавряшина); Только *сомневаюсь*, что смогу быть *чем-нибудь* полезной (А. Савельев); Друг моего приятеля, по образованию театральный режиссер, правда, к 60-ти годам так и не поставивший ни одного спектакля, долго *отказывался* от предложений посмотреть *какой-нибудь* из моих фильмов (К. Селиверстов); *Штабные строго-настрого запретили* без них *кого-нибудь* трогать (А. Приставкин);

М. Хаспельмат, рассматривая неопределенные местоимения, выделял среди них специфические и неспецифические. Последние, помимо основных признаков, отличались также и способностью употребляться в предложениях с косвенным отрицанием (indirect negation) [Haspelmath 1997]. Среди контекстов, выделяемых Хаспельматом, указываются контексты имплицитно-отрицательных глаголов (типа *отрицать*, *отказываться*, *отсутствовать*); контекст имплицитно-отрицательных предлогов типа *без*, *помимо*; контекст имплицитно-отрицательных параметрических кванторных слов типа *мало*. Во всех указанных случаях употребляются именно неопределенные местоимения с *-нибудь*:

Отказался что-нибудь лоббировать – теперь это модное слово (Н. Леонов, А. Макеев); *И еще они любили встать не рано утром, не спеша позавтракать в светлой кухне чашкой крепкого кофе и яичницей с гренками и выйти на улицу без каких-нибудь определенных планов — недаром они оба были страстными любителями досуга* (И. Безладнова); *Минут через пять супруги вернулись за стол, мало понимая что-нибудь* (В. Шапко).

В случаях же с местоимениями с *-то* возможны как отрицательные, так и утвердительные варианты. Ср.: *Не верю/верю, что кто-то может мне помочь; Сомневаюсь/уверен, что кто-то решил эту задачу.*

Местоимения с *-то* являются утверждительно-полярными единицами. Если в утвердительных предложениях местоимения с *-нибудь* не употребляются ввиду наличия значения альтернативы, невыбранности, то в отрицательных предложениях употребляются именно они.

5. Предложения со значением дистрибутивности и многократности

В подобных случаях употребляются местоимения с *-нибудь*, такие конструкции выражают значение вариативности: каждый раз актантную позицию занимает различный референт.

Раз начавши говорить о чем-нибудь, он болтал языком без умолку и без конца, как бы мелка и жалка ни была тема; (А. Чехов); *Какая-нибудь история непременно происходила: или выведут его под руки из зала жандармы, или принуждены бывают вытолкать свои же приятели.*(Н. Гоголь); *Как запустит какую-нибудь теорию, так ей-богу... хе-хе-хе... в жар даже бросает...*(А. Чехов)

Именно значение альтернативы, нефиксированности референта делает возможным употребление местоимений с *-нибудь* в предложениях с многократным действием, с глаголами несовершенного вида. В отличие от ситуаций с местоимениями с *-то*, когда действие совершено конкретным, но неизвестным референтом, в подобных случаях речь идет о различных референтах. В этих употреблениях часто встречаются слова со значением дистрибутивности и многократности:

глаголы несовершенного вида, длительно-дистрибутивные и многоократные способы глагольного действия, соответствующие наречия, вводное слово *бывало*, обобщенно-личные конструкции:

Бывало, она с улыбкой рассказывала на уроке о *каких-нибудь* экзотических традициях далеких стран, класс позволял себе расслабиться, отпускать невинные шутки (Н. Емельянова); Или вот сидишь за столом, *что-нибудь* выпил или съел, и в животе как заурчал, и *кто-нибудь* на тебя так посмотрит, дескать, ну как так можно... (Е. Гришковец); *Изредка* ему нравилась *какая-нибудь* медсестричка или молоденькая враачиха, и он прекрасно знал, что каждая из них придет к нему по первому же слову, но «внутривидение» было ему дороже (Л. Улицкая).

6. Предложения со значением оценки

Наличие в местоимениях с *-нибудь* семы альтернативы приводит к образованию значения «безразлично какой, кто, что», часто в сочетании с усилительной частицей *хоть*.

*Не вы наймете, так другие найдут, а уж *кто-нибудь* да будет в ней жить.* (А. Чехов); *Нужен другой. Хоть *кто-нибудь*...* Сорокалетняя бухгалтерша Галина с нижнего этажа нашла себе жениха (В. Токарева).

Безразличие в выборе часто переходит и в пренебрежительное употребление, в подобных случаях местоимения часто сочетаются с частицей *не*:

*Мать была занята своей жизнью. Ей исполнилось 30 лет. В этом возрасте женщины нужен муж, и *не какой-нибудь*, а любимый* (В. Токарева); *Если такая конституция, да *не с кем-нибудь*, а с мужем родной сестры!* (А. Мардань); *Они рядом, и *не где-нибудь*, а на родине* (Д. Гранин); *Вот вы кофе пьете, курите, и *не какие-нибудь*, а «Столичные»* (И. Грекова).

В данной функции чаще употребляются местоимения с *-нибудь*, поскольку они являются нефиксированно-неопределенными местоимениями, включающими сему невыбранности, а значит – порой и несущественности референта. Часто подобное употребление предполагает не просто неопределенность – говорящий выражает свое негативное отношение, употребляя неопределенное местоимение:

- *Какой-нибудь* мальчишка, молокосос ... нищий ... осмеливается говорить прямо в лицо такие мерзости! (А. Чехов)

И даже в сочетании местоимений с существительными, лишенными оценочного значения (в отличие от предыдущего примера), эти слова тут же приобретают значение оценки, как правило, негативной, например: *Какой-нибудь* студент будет мне возражать! Ну, *какой-нибудь* грипп, ангинка, серёзнее не болел... (И. Грекова); Я не хуже *какого-нибудь* правоведа или бабы доктора (А. Чехов).

В подобных употреблениях возможны и местоимения с *-то*, однако в случае с местоимениями с *-нибудь* подчеркивается значение альтернативы, тем самым акцентируется, что субъект/объект, который подвергается негативной оценке, лишён индивидуальности и является одним из множества представителей той или иной категории людей/предметов/явлений.

Интересен также следующий пример, который ярко иллюстрирует наличие у местоимений с *-нибудь* семы оценки:

И Зинзага, сделав большие глаза, потряс кушетку. С Амарантами медленно сползла какая-то книга и, шелестя, шлепнулась об пол. Романист поднял книгу, раскрыл ее и побледнел. Это была не какая-то и отнюдь не какая-нибудь книга, а его последний роман... (А.Чехов)

Сначала употреблено местоимение **какая-то**, указывающее на неопределенность, затем использовано местоимение **какая-нибудь**, выражающее отношение к этой неопределенности, пренебрежение, так как **какая-нибудь** = «все равно какая».

Значение оценки особенно ярко проявляется и в сочетании неопределенных местоимений с **-нибудь** с именами собственными (ИС). Следует отметить, что в сочетаниях «**какой-нибудь + ИС**», в отличие от сочетаний «**какой-то + ИС**», невыбранному референту, уподобленному носителю ИС, приписываются качества носителя данного ИС. В случаях с **какой-то** перед нами лишь известность или неизвестность носителя ИС для говорящего и/или для слушающего; чтобы понять, о ком идет речь, слушающему необязательно знать носителя ИС, поскольку это может быть и нерелевантным. В сочетаниях же с местоимениями **какой-нибудь** у слушающего должны быть определенные сведения о носителе ИС, о качествах, ему присущих, иначе коммуникативный акт не будет успешным и употребления местоимения и самого ИС будут излишними [Газарова, 2021, с.55-56].

К значению «кто-нибудь вроде носителя ИС» добавляется и значение пренебрежения, несущественности заполнения позиции референта: *Редкая довольно-таки фамилия. Не Иванов какой-нибудь* (Ю. Поляков).

В подобных случаях следует учитывать и тот факт, является ли носитель ИС реальным лицом или вымышленным, литературным персонажем. В случае с реально существующим лицом мы можем говорить о его инклузивности, включении. Ср.: – *С кем она говорит? – С каким-нибудь Колей Ивановым.*

Не исключено, что в ситуации участвует и сам Коля Иванов. Здесь проявляется и безразличие, несущественность для говорящего соотнесения с референтом.

К какой-нибудь Изабелле и сбежал. (Г. Бакланов)

Интересно, что в случае замены на **какой-то, некий** названное ИС является единственным возможным носителем действия. Он просто неизвестен говорящему. Здесь исключается возможность заполнения актантной позиции носителем какого-нибудь другого ИС. Это связано с различием местоимений с **-то** и **-нибудь**, с фиксированностью и нефиксированностью референта.

Ведь в конце завоюет нас какой-нибудь Лихтенштейн! (В. Пьецух). Это в **каком-нибудь Сверловске** распространение билетов дело простое и малопочтенное. (В. Аксёнов). *Работала она, конечно, не на какой-нибудь Тверской, а в небольшом частном пансионе* (М. Кучерская) [там же].

В сочетании с указателями времени, пространства неопределенные местоимения с **-нибудь** могут иметь и значение незначительности:

*Он был в каких-нибудь двух метрах... (В. Шукшин); В какие-нибудь две минуты пламя охватило табурет, столы, перешло на кулисы ... (А. Чехов); Между тем до цели оставалось совсем ничего — может, **каких-нибудь полсотни** футов (В. Быков); Но стоит купить за **какие-нибудь пятнадцать** евро одинокий сувенир, как он немедленно превращается в ширпотреб, словно Золушкина карета — в тыкву (Д. Рубина).*

Таким образом, неопределенные местоимения могут выражать оценку, чаще всего они выражают пренебрежительное отношение говорящего к описываемому явлению, человеку.

Выводы

Выделив основные контексты употребления неопределенных местоимений с **-нибудь**, мы можем сделать вывод о том, что их функционирование обусловлено прежде всего наличием значения нефиксированного референта. Невыбранность, нефиксированность референта делает возможным употребление рассмотренных нами местоимений в контекстах со значением вероятности, побуждения к действию, вопросительных конструкциях, ирреальных – во всех тех конструкциях, в которых действие пока не совершено и – как результат – за ним пока не закреплен какой-либо референт, субъект.

Также на контексты употребления неопределенных местоимений с **-нибудь** влияет наличие у них значения альтернативы, выбора, именно поэтому употребление этих местоимений возможно в контекстах, относящихся к прошлому: только при условии, что речь идет о многократном событии, действии, у которого нет одного конкретного референта и где каждый раз референтную позицию занимают разные актанты.

Местоимения с **-нибудь**, как и неопределенные местоимения вообще, способны выражать оценку говорящим описываемого им предмета/лица/явления. Нужно подчеркнуть тот факт, что именно сема выбора, присутствующая в неопределенных местоимениях с **-нибудь**, придает им наиболее сильное оценочное значение, негативное, вплоть до пренебрежительного. Особенно ярко это иллюстрируют случаи употребления этих местоимений с именами собственными.

Таким образом, в случаях с неопределенными местоимениями референт может быть не только неопределенным: он может быть фиксированным, выбранным либо нефиксированным, невыбранным. Это обстоятельство и обуславливает выбор местоимения с **-нибудь** в конкретном высказывании. Невыбранный референт может встречаться лишь в ирреальной модальности: вопросительных, условных, предположительных конструкциях. В предложениях реальной модальности нефиксированно-неопределенные местоимения указывают на то, что позиция референта была занята многократно, причем каждый раз эту позицию занимал какой-то один референт. И, наконец, выбор неопределенного местоимения может свидетельствовать о негативном, пренебрежительном отношении говорящего к высказываемому.

DIANA GAZAROVA – *Contexts of Functioning of Infedinite Pronouns with «-нибудь».* – The article examines the features of the functioning of indefinite pronouns with **-нибудь**. The meaning of indefiniteness is expressed by all indefinite pronouns: with **-то**, **-нибудь**, **-либо**, **кое-**, **не-**. However, these pronouns are not interchangeable in all cases. The choice of pronoun is influenced by various linguopragmatic factors. The article presents six main contexts in which the use of indefinite pronouns with **-нибудь** becomes possible: 1) sentences with probability value, 2) conditional and interrogative sentences, 3) imperative sentences and situations related to the future plan, 4) contexts of suspended assertion and indirect negation, 5) sentences with the meaning of distributivity and multiplicity and 6) sentences with the meaning of estimation. The

article examines the linguopragmatic factors that influence the functioning of these indefinite pronouns. The use of indefinite pronouns with **-нибудь** is influenced by the presence of a meaning of a non-fixed referent. These pronouns are possible, first of all, in situations where the action has not been completed yet, where the probability that the action may occur is only expressed. The non-chosen, non-fixed nature of the referent makes it possible to use the pronouns we have considered in contexts with the meaning of probability, incentive to action, interrogative constructions in situations related to the plan of the future. In contexts related to the past, the use of indefinite pronouns with **-нибудь** is possible only under the condition that we are talking about a multiple event or action that does not have one specific referent. Pronouns with **-нибудь** are capable of expressing the speaker's assessment of the object/person/phenomenon described. This is especially evident in the combination of indefinite pronouns and proper names. Contexts in which pronouns with **-нибудь** express the speaker's dismissive attitude are also considered.

Key words: *indefinite pronouns, reference category, estimation, indirect denial.*

Список научной литературы

- Газарова, Д.Ю., 2021. Семантика оценки в местоимениях. *Вестник Ереванского университета. Русская филология*, 1, сс. 43-57. <https://doi.org/10.46991/BYSU:H/2021.7.1.043>
- Гуревич, В.В., 1983. О семантике неопределенности. *Филологические науки*, 1, сс. 54-60.
- Левин, Ю.И. 1973. О семантике местоимений. В кн.: Левин, Ю.И. *Проблемы грамматического моделирования*. Москва: Наука, сс.108-121.
- Падучева, Е.В., 1985. *Высказывание и его соотнесенность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений)*. Москва: Наука.
- Падучева, Е.В., 1997. Кто же вышел из «Шинели» Гоголя? (о подразумеваемых субъектах неопределенных местоимений). *Известия РАН*, 2, сс.20-27.
- Падучева, Е.В., 2005. Эффекты снятой утвердительности: глобальное отрицание. *Русский язык в научном освещении*, 2(10), сс.17-42. URL: <https://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf2/ryns2005.pdf> [дата обращения: 15.12.2024].
- Падучева, Е.В., 2015. *Местоимения отрицательной полярности*. URL: <https://clck.ru/3FFRLv> [дата обращения:15.12.2024].
- Селиверстова, О.Н., 1988. *Местоимения в языке и речи*. Москва: Наука.
- Шмелев, А.Д., 2002. *Русский язык и внеязыковая действительность*. Москва: Языки славянской культуры.
- Haspelmath, Martin, 1997. *Indefinite pronouns*. Oxford: Oxford University Press.

References

- Gazarova, D.Yu., 2021. Semantika otsenki v mestoimeniyakh [Semantics of estimation in pronouns]. *Vestnik Erevanskogo universiteta. Russkaya filologiya [Bulletin of Yerevan State University. Russian philology]*, 1, pp.43-57. <https://doi.org/10.46991/BYSU:H/2021.7.1.043> (in Russian).
- Gurevich, V.V., 1983. O semantike neopredelennosti [On the semantics of indefiniteness]. *Filologicheskie nauki [Philological sciences]*, 1, pp.54-60 (in Russian).
- Levin, Ju.I. 1973. O semantike mestoimenij [On the semantics of pronouns]. In: Levin, Ju.I., *Problemy grammaticeskogo modelirovaniya [Grammatical modeling problems]*. Moscow: Nauka Publ., pp.108-121. (in Russian).
- Paducheva, E.V., 1985. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s dejstvitel'nost'ju (Referencial'nye aspekty semantiki mestoimenij)* [Statement and its relation to reality (Referential aspects of the semantics of pronouns)]. Moscow: Nauka Publ. (in Russian).
- Paducheva, E.V., 1997. Kto zhe vyshel iz “Shineli” Gogolya? (o podrazumevaemykh sub'ektakh neopredelennykh mestoimeniy) [Who came out of Gogol's “The overcoat”? (on

- the implied subjects of indefinite pronouns)]. *Izvestiya RAN [Bulletin of Russian Academy of Sciences]*, 2, pp.20-27 (in Russian).
- Paducheva, E.V., 2005. Effekty snyatoy utverditel'nosti: global'noe otritsanie [Effects of suspended assertion: global negation]. *Russkiy jazyk v nauchnom osveshchenii [Russian language in scientific coverage]*, 2(10), pp.17-42. URL: <https://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf2/ryns2005.pdf> [Accessed 15 December 2024] (in Russian).
- Paducheva, E.V., 2015. *Mestoimeniya otritsatel'noy polyarnosti [Pronouns of negative polarity]*. URL: <https://clck.ru/3FFRLv> [Accessed 15 December 2024] (in Russian).
- Seliverstova, O.N., 1988, *Mestoimeniya v yazyke i rechi [Pronouns in language and speech]*. Moscow: Nauka Publ. (in Russian).
- Shmelev, A. D., 2002. *Russkiy jazyk i vneyazykovaya deystvitel'nost' [Russian language and extralinguistic reality]*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ. (in Russian).
- Haspelmath, Martin, 1997. *Indefinite pronouns*. Oxford: Oxford University Press (in English).

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СИНОНИМИЧЕСКОГО РЯДА

РУЗАН ГРДЗЕЛЯН*

Ереванский государственный университет

Аннотация. В статье рассматриваются русский и армянский синонимические ряды с точки зрения их семантической (смысловой) организации. Нами выдвигается гипотеза о том, что в основе семантических механизмов образования синонимов лежит идея семантических паттернов (шаблонов). Особенности, связанные с преобладанием в языке тех или иных шаблонов, могут считаться типологической характеристикой данного языка. Таким образом, актуальность подобной темы обусловлена стремлением рассмотреть традиционную проблему синонимии с иной точки зрения, в контексте иного научного подхода к синонимии как к семантическому механизму тождественности, к способности языка порождать самоподобные модели. Такой подход может способствовать развитию новых исследовательских методов в области теоретической лингвистики и лексической типологии. В исследовании синонимы рассматриваются в рамках традиционного их представления в виде синонимического ряда и делается попытка их описания как некоторого смыслового, концептуального целого, состоящего из слов / значений слов, семантических компонентов, имеющих определенную организацию и находящихся в определенных отношениях. По аналогии с семантическим полем синонимический ряд также имеет обязательный для всех слов ряда компонент или компоненты – семантическое ядро, а также ряд дополнительных, факультативных семантических элементов. Так, синонимический ряд может включать слова с одинаковым набором семантических компонентов. Количество подобных слов свидетельствует о низкой или, наоборот, высокой степени рекуррентности (повторяемости) синонимов с одинаковым набором семантических компонентов. Синонимический ряд как концептуальное пространство может включать различный набор факультативных семантических компонентов, то есть иметь большую или меньшую степень детализированности смысловой структуры – различную номинативную плотность. Представляется, что описание синонимического ряда с этой точки зрения наиболее эффективно для выявления типологических различий между группами синонимов в двух языках.

Ключевые слова: синонимический ряд, семантическая организация, рекуррентность, номинативная плотность, семантический паттерн.

* Рузан Грдзелян – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языкознания, типологии и теории коммуникации ЕГУ

Թուան Գրձելյան – բանասիրական գիտությունների դոկտոր, պրոֆեսոր, ԵՊՀ ուսաց լեզվաբանության, տիպարանության և հաղորդակցման տեսության ամբիոնի վարիչ

Rouzan Grdzelyan – Sc.D. in Philology, Professor, Head of YSU Chair of Russian Linguistics, Typology and Theory of Communication

Эл. почта: ruzan.grdzelyan@ysu.am. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6302-7871>

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License.

Получено: 26.08.2024

Рецензия: 24.12.2024

Одобрено: 27.12.2024

© The Author(s) 2024

Введение

Язык отражает мир, а человек с помощью языка мыслит о мире, давая названия всему существу, говорящий часто задействует в языке механизмы отождествления. Язык способен порождать однотипные модели, как формальные, так и семантические, которые с той или иной степенью вариативности отражают некоторые участки реального мира.

Мыслить об одном и том же разными способами, о тождественном через поиски различий, об одинаковых феноменах через указание на их отличительные признаки – вот один из основополагающих механизмов языка и мышления. Австрийский мыслитель Альфред Адлер писал: «Так же, как невозможно найти на дереве два абсолютно одинаковых листа, невозможно отыскать двух одинаковых людей» (Адлер – эл. ресурс). Мы же добавим – и двух одинаковых слов.

Указанный языковой механизм прежде всего применим к синонимизации. Так, в словосочетании «большой ученый» определение *большой* можно заменить его синонимами – *известный, знаменитый, видный, крупный, выдающийся, великий*. Однако, будучи взаимозаменяемыми в общем контексте русского языка, при употреблении, в конкретных контекстах и речевых ситуациях, они будут актуализировать различные семантические компоненты, а следовательно, не могут быть взаимозаменены без ущерба для смысла высказывания, хоть и малого. Таким образом, воспринимаемые как одинаковые, тождественные в общей панораме языка, семантические конфигурации при «приближении камеры» начинают проявлять свои различия. Видимое «издалека» как цельное образование, значение слова при «укрупнении объекта» оказывается разделенным на фракции, мозаичным, состоящим из некоторого множества семантических компонентов.

Гипотеза. Смысловую организацию синонимичных слов можно уподобить фрактальным структурам в природе, которые при кажущейся хаотичности находятся в определенном порядке, а «части не обязательно должны быть в точности подобны целому. Достаточно того, что части и уменьшенное в масштабе целое имеют одинаковые распределения. Бездонные чудеса происходят из простых правил, которые повторяются без конца» Бенуа Мандельброт (Мандельброт – эл. ресурс).

В рамках нашего исследования мы будем стремиться обосновать предположение о том, что идея паттернов (фракталов, шаблонов) может лежать в основе семантических механизмов, приводящих к возникновению синонимов, что в основе синонимии лежит семантический паттерн, или шаблон, а в каждом языке есть универсальные (возможно, также и уникальные) семантические «лекала», алгоритмы порождения синонимов с видимо одинаковой, похожей, самоподобной семантической структурой. Но при этом такая видимая, поверхностная однократность, проявляющаяся при приближении определенные различия, обеспечивает некоторую степень тождественности значений, ибо «целое больше суммы его частей» Аристотель (Аристотель – эл. ресурс).

Актуальность подобной темы обусловлена стремлением рассмотреть традиционную проблему синонимии с иной точки зрения, в контексте иного научного подхода к синонимии как к семантическому механизму тождественности, к спо-

собности языка порождать самоподобные модели. Такой подход может способствовать развитию новых исследовательских методов в области теоретической лингвистики и лексической типологии.

Синонимический ряд и его семантическая структура

Рассматривая синонимы в рамках традиционного их представления в виде синонимического ряда, мы будем стремиться описать его как некоторое смысловое, концептуальное целое, состоящее из слов / значений слов, семантических компонентов, имеющих определенную организацию и находящихся в определенных отношениях. По аналогии с семантическим полем синонимический ряд также имеет обязательный для всех слов ряда компонент или компоненты – семантическое ядро, а также ряд дополнительных, факультативных семантических элементов.

Так, синонимический ряд может включать слова с одинаковым набором семантических компонентов. Количество подобных слов свидетельствует о низкой или, наоборот, высокой степени рекуррентности / повторяемости синонимов с одинаковым набором семантических компонентов.

Синонимический ряд как концептуальное пространство может включать различный набор факультативных семантических компонентов, то есть иметь большую или меньшую степень детализированности смысловой структуры – различную номинативную плотность.

Нам представляется, что описание синонимического ряда с этой точки зрения наиболее эффективно для выявления типологических различий между группами синонимов в двух языках.

Степень рекуррентности синонимов

Как известно, синонимический ряд может включать синонимы различных типов – абсолютные, идеографические, стилистические. При этом семантическое и стилистическое разнообразие обеспечивают два последних типа. Что же касается лексических дуплетов, то с точки зрения употребления в речи – лексической сочетаемости, коннотативных свойств, контекстных условий, стилистических оттенков – они могут проявлять тонкие различия, оставаясь при этом словами с видимым семантическим тождеством. Возможно, языки отличаются с точки зрения того, какого типа синонимия преобладает в их лексической системе, в какой степени дублируется семантический состав слова-синонима и зависит ли от этого длина синонимического ряда, разнообразие семантических компонентов входящих в него слов. Таким образом, различную степень рекуррентности можно считать типологическим различием.

Рассмотрим с этой точки зрения синонимические ряды в русском и армянском языках. Предварительно можно констатировать тот факт, что источником образования синонимов, в том числе и абсолютных однокорневых, в русском языке являются преимущественно суффиксально-префиксальные словообразовательные модели, тогда как в армянском языке лексические дуплеты (как и синонимы в целом) образуются преимущественно с помощью словосложения. Ср. русские однокорневые синонимы *убогость – убожество, сторожить – стеречь, лукавость – лукавство, метель – метелица, положение – расположение, годность – пригодность, множить – умножать, размалывать – перемалывать,*

мороженый – замороженный, отдаленность – удаленность, набухнуть – разбухнуть – взбухнуть. Подобные синонимы в речи, на первый взгляд, полностью взаимозаменяемы, однако в определенных контекстах предпочтительнее может оказаться один из них.

Так, лексемы *убогость* и *убожество* взаимозаменяемы в подавляющем большинстве контекстов, ср., например, их полную взаимозаменяемость в конструкциях типа «**убожество / убогость чего**»: *убожество стен; здания; окраин; жилья; семьи; души; фантазии; царя и царских министров; послевоенной советской жизни; отечественной словесности; убогость обстановки; больничной обстановки; подвала; наружной витрины; богатых; политических взглядов; российского пейзажа; языка переводов с французского; текста; провинциальной жизни; «что убожества / убогости»: дух убожества; печать убожества; волна убожества; степень убогости; «убожество какое, убогость какая»: убожество какое-нибудь; холодное; сплошное; жалкое; нравственное; духовное; массивное; убогость та, мрачная, вызывающая.* Однако в синтаксических конструкциях типа «*N¹!*», «Что за *N¹!*», «Какое (же ты) *N¹!*» при характеристике субъекта-лица лексема *убожество* не может быть заменена своим синонимом, ср.: *Как ты мог так поступить! Убожество! (Но: *Убогость!)* (здесь и далее русский текстовый материал см. в НКРЯ – эл. ресурс).

Можно было бы предположить, что причина подобного запрета кроется в семантическом различии суффиксов *-ств(о)* и *-ость (-есть)*, однако их значения практически идентичны: оба суффикса имеют абстрактную семантику и наряду с прочим могут обозначать состояние или качество. Но при этом суффикс *-ств(о)* обозначает не только обобщенный, но и некий собирательный признак. Иначе говоря, он имеет несколько более сложную семантическую структуру и может передавать значение как простой собирательности (*студенчество, воинство*), так и значения состояния и качества с оттенком собирательного значения (*убожество, хамство, ехидство, юродство, зверство, свинство, ханжество, жеманство, злорадство, плебейство, занудство, чудачество, коварство, колдовство* и пр.).

Суффикс *-ость (-есть)* также обозначает отвлеченный признак или состояние, но абстрактная семантика в нем представлена в чистом виде, без каких-либо оттенков значения, ср. *убогость, вялость, хилость, дикость, алчность, бодрость, радость, робость, шалость, юркость, буйность, гордость, глупость, грубость, дерзость, жадность, скопость, щедрость, ловкость, смелость*. Возможно, именно это семантическое свойство подобных слов накладывает запрет на их употребление в приведенных выше конструкциях. Отметим также, что при этом многие из указанных слов не имеют словообразовательных параллелей, ср.: *убогость – убожество, ехидность – ехидство, жеманность – жеманство, коварность – коварство. Но вялость – *вяльство, глупость – *глупство* и т.д.

Таким образом, подобные синонимы, представляя собой слова с одинаковым набором семантических компонентов, тем не менее часто имеют некоторые расхождения в употреблении и абсолютными могут называться с оговоркой. Однако несмотря на отдельные семантические различия, однокорневая полная синонимия способствует повторяемости в синонимическом ряду слов с одинаковым набором семантических компонентов, то есть повышает степень

рекуррентности ряда. Но насколько частотны подобные случаи в русской синонимике должен свидетельствовать статистический анализ.

В армянском языке суффиксальное (реже – префиксальное) образование абсолютных синонимов встречается заметно реже, ср.: ամպամած – ամպու, ամպած, թախմալի – թախմալիր, դեղնավուն – դեղնորակ, դեղնուտ, դեղինկեկ, դժոխային – դժոխական, երանալի – երանալիր, երկրային – երկրական, զմրուխտե – զմրուխտյան:

Еще одним источником абсолютной синонимии является словосложение – действенный механизм дублирования значений, ср. в русском языке: лесоруб – дровосек, судостроитель – кораблестроитель, мореплавание – мореходство, тяжелодум – тугодум, ежедневный – каждодневный, многосторонний – разносторонний, многоводный – полноводный, доброжелательный – благожелательный, малонаселенный – малолюдный, всезнающий – всеведущий, полновластный – единовластный, самовольный – своевольный, целеустремленный – целенаправленный, жизнестойкий – жизнеспособный, крестообразный – крестовидный, многоголовый – многоречивый, всезнающий – всеведущий, чудодейственный – чудотворный, самоуверенный – самонадеянный.

Однако если для русского языка, несомненно, предпочтительнее суффиксально-префиксальный способ образования тождественных значений, то для армянского языка наиболее характерно именно словосложение, ср. синонимические ряды: •*րազմազագաթ, րազմակատար, բյորազագաթ*; •*ազատական, ազատարադա, ազատակամ*; •*ամպրոպադորդ, ամպրոպահունչ, ամպրոպաձայն, ամպրոպազոռ, ամպրոպագոչ*; •*զանգրաշատ, բազմազանգուր, զանգրածածկ, զանգրաշուր, զանգրապատճեց, զեղակերտ, զեղակառույց, զեղակազմ, զեղեցկակազմ, զեղեցկակերտ, բարեկերտ, հոյակերտ, զեղաշեն, զեղեցկաշեն, զեղապատշաճ*; •*դանդաղախու, ծանրախու, ծանրալեզու, տարտամախու, տարտամարան*:

Именно словосложение повышает степень рекуррентности армянских синонимических рядов и часто влияет на их длину. Ср., например, с этой точки зрения следующий синонимический ряд: ակնազարդ, ակնահեռ, ականահեռ, ականազարդ, ականակապ, ականահուր, ականաշար, ականապաճույճ, ակնակապ, աղամանդազարդ, աղամանդակուր, աղամանդակապ, աղամանդակույթ, գոհարազարդ, գոհարազուր, գոհարապատճեց, մարգարտազարդ, մարգարտաշար, մարգարտապատճեց, մարգարտապաթարդ (թանկազին ակնեղենով զարդարված պատրաստված): Данный ряд образуют 28 композитов с общим значением "украшенный драгоценными камнями; с драгоценными камнями". Со структурной точки зрения он представляет собой различные комбинации сочетаний четырех первых основ (ակն- / ական-, աղամանդ-, գոհար-, մարգարտ-) и одиннадцати вторых (-զարդ, -կուր, -կապ, -հեռ, -հուր, -շար, -պաճույճ, -պատճեց, -պաթարդ).

Являются ли представленные синонимы абсолютными, а следовательно, влияющими на степень рекуррентности, или же их отличают оттенки значений, то

есть они повышают номинативную плотность синонимического ряда как концептуального пространства? Однозначно ответить на этот вопрос нелегко, поскольку подобные слова представляют такую группу композитов, которые свободно трансформируются в словосочетания, им не присуща идиоматичность, то есть их значения легко выводимы из значений двух основ, а значит, они должны, по всей вероятности, иметь специфические оттенки. Ср.: ակնաքր [‘драгоценный камень’ + ‘украшенный’ → украшенный драгоценными камнями], ալմանդաքր [‘алмаз’ + ‘украшенный’ → украшенный алмазами], զիարաքր [‘бриллиант’ + ‘украшенный’ → украшенный бриллиантами].

Однако структура лексического значения многих композитов стремится к обобщению, к замене видового понятия родовым. Именно этот процесс мы наблюдаем и в данном случае, что находит объяснение и подтверждение в лексикографических данных. Так, в словаре С. Малхасянца (*Մալխասեանց – էլ. ресурс*) представлены следующие толкования: «Ակն – թանկագին քար՝ զիար» [драгоценный камень, или бриллиант, так как бриллиантом называли также и любой драгоценный камень]; «Գոհար – 1. թանկագին ազնիվ քար» [драгоценный, благородный камень: о всяком драгоценном камне]; «Արամանդ – (յուն. *adamas-mantos*, անոռաձելի. այսպես կոչվում էին սկզբանապես պղպատը, այս թանկագին քարը՝ կարծրութեան պատճուվ)» [греч. *adamas-mantos*, непреоборимый, неприступный: изначально так называли сталь, а затем драгоценный камень по причине их твердости]. Словарные толкования свидетельствуют о диффузности гиперо-гипонимических связей данных лексем, которые по первым своим значениям являются полными синонимами и в зависимости от контекста могут выступать и как полные синонимы, и как идеографические. Таким образом, синонимичные композиты «двулики», и «лики» их направлены в противоположные стороны: один, «идеографический», в область различий, другой же, «абсолютный» – в область тождеств.

Что же касается композитов с первой основой մշրգարի-, то в словарях слово մշրգարիս имеет только видовое значение ‘жемчуг, перл’, то есть не может, на первый взгляд, выступать синонимом рассматриваемых слов. Но и в этом случае, как представляется, нельзя однозначно отрицать факт наличия как идеографической, так и абсолютной синонимии, поскольку в переносном употреблении эта лексема имеет значение «վեղեցկությամբ կամ այլ հատկություններով առավել աչքի ընկնող, ամենաարնտիք, ընտրելազույն» [выделяющийся своей красотой или другими свойствами, качествами, лучший, самый лучший – ‘жемчужина, перл’]. Вероятно, этим обусловлен тот факт, что композиты с первой основой մշրգարի- включены словарями в рассматриваемый синонимический ряд, поскольку данное переносное значение позволяет в определенном смысле интерпретировать композиты с основой մշրգարի- как слова с более обобщенным значением – не ‘украшенный жемчугами’, а ‘украшенный красивыми драгоценными камнями’.

Вторые основы рассматриваемых синонимов также отличаются оттенками значений, но при этом чаще всего сводятся к одному общему значению – ‘украшенный, выделяющийся своей красотой, а также множеством, скоплением

(чего-то)’. Ср. значения слов: զարդ, պաճուճ – ‘украшение’; շար, յեղված – ‘ряд, расположенные ряд к ряду, выстроенные в ряд, построенные друг за другом, нанизанные’; կուլու – ‘скопление, нагромождение чего-то’; կաշ – ‘связанные, свернутые друг с другом’; կուլ, հնձ – ‘прижатый, тесно расположенный друг к другу’. Семантика второй основы так же «двулика»: в одних контекстах актуализируются оттенки их значений, в других же – эти оттенкинейтрализуются, и синонимы функционируют как абсолютные.

В армянской синонимике мы наблюдаем значительное количество синонимических рядов, имеющих подобную организацию. Среди синонимов-композитов встречаются также случаи, когда первая и вторая основы могут меняться местами и образовывать лексические дуплеты, ср.: բազմաբյուր – բյուրաքում, գեղեցկալանջ – լանջագեղ, սիրազորով – գորովասեր, պունակամար – կամարաչյուն, ստվերախիտ – խտաստվեր, սրտագոհ – գոհսիրու, սրտապինդ – պնդասիրու, վայելչագեղ – գեղեցկավայելու, վարսագեղ – գեղավարս, վարսառատ – առատավարս, տեսարժան – արժանատես, ուրախասիրու – սրտուրախ, փառատենչ – տենչափառ, քաղաքամերձ – մերձքաղաքային, քաղաքամայր – մայրաքաղաք, քարուքանդ – քանդուքար; ср. также подобные случаи с синонимичными основами: զողունաշատ – բազմացողուն, փառաշատ – բազմափառ, փետրաշատ – բազմափետուր: Однако, по всей видимости, и в подобных случаях об абсолютной синонимии мы можем говорить только в общем контексте языка, но ни в речи, где в отдельных случаях подобная перестановка может играть роль логического выделения, выбора ремы – той части композита, которую говорящий выделяет как главную и «новую».

Таким образом, несмотря на некоторые смысловые тонкости при употреблении, словосложение, как в русском, так и в армянском языках, является источником образования абсолютной синонимии. Образованию слов с практически идентичными значениями способствуют такие свойства композитов, как, например, стремление к десемантизации одной из основ, а в отдельных случаях преобразование такой основы в своего рода «аффиксоид»; способность основ «перекрециваться» и в результате образовывать синонимы, которые можно квалифицировать не столько как синонимы, сколько как варианты одной лексемы. Но даже в подобных случаях синонимы не могут быть в речи абсолютно взаимозаменяемыми, что, однако, не влияет на их свойство удлинять синонимический ряд не за счет увеличения номинативной плотности ряда, а за счет увеличения повторяемости (рекуррентности). Так, в некоторых случаях происходит «редуцирование» одной из основ, что приводит к образованию абсолютных синонимов, ср.: *всеобщий – общий, удобопонятный – понятный, добросердечный – добрый, корыстолюбивый – корыстный, властолюбивый – властный, быстроходный – быстрый, стародедовский – старинный, равномерный – мерный, военнослужащий – военный, дорогостоящий – дорогой, русоволосый – русый, равноценный – равный; զունազարդ – զունավոր, աղամանդազարդ – աղամանդյա, ալեհեր – ալեվոր, կակծաբեր – կակծալի, բազմաթիվ – բազում, բամբասեր – բամբասկու, իրեշակեր – իրեշավոր, սիրունատես – սիրուն, գեղատես – գեղեցիկ*.

Таким образом, русский и армянский языки при образовании синонимов отдают предпочтение двум принципиально различным способам: армянский язык – соединению и комбинированию двух корней, то есть словосложению, русский же язык – суффиксально-префиксальным словообразовательным моделям.

Номинативная плотность синонимического ряда как концептуального образования

Выше мы говорили о том, что синонимический ряд можно рассматривать как некоторое смысловое, концептуальное целое, в котором отдельные смысловые компоненты складываются в пазл, в мозаику – одну понятийную картину со своим ландшафтом, крупными и мелкими семантическими деталями, которые могут быть одинаковыми и при этом повторяться, то есть обеспечивать рекуррентность синонимического ряда. Но эти «детали» смысловой композиции могут быть также и разными, привносящими новые тона и полутона в эту самую «синонимическую композицию», то есть детализировать ее и разнообразить «смысловую палитру». Детализация смыслов обеспечивает номинативную плотность синонимического ряда как концептуального целого.

Обе особенности синонимического ряда – рекуррентность и номинативную плотность – вероятно, можно считать языковыми универсалиями. Типологическое же отличие нужно искать в ответе на следующий вопрос: которому из этих механизмов синонимизации отдается предпочтение в том или ином языке. В связи с этим возникают вопросы о связи подобных механизмов с такими лексико-типологическими параметрами, как таксономическая глубина, номенклатурное дробление и синонимическое варьирование отдельных областей словарного состава (соответственно отдельных участков языковой картины мира), а также вопрос о связи с отдельными лингвокультурными характеристиками языка (о типологических параметрах лексики см. также в Ульманн 1970, сс.250-299, Филлмор 1983, сс.:23-60). На все эти вопросы с той или иной степенью определенности можно ответить только после глубокого и всеобъемлющего сопоставительного исследования словарного состава языков. Мы же ограничимся описанием лишь некоторых синонимических рядов, намечающим пути подобного исследования.

Рассмотрим с этой точки зрения следующие пары лексем, представляющих тематическую область словарного состава «отчизна, родина»: «патриот» – «шգчиեր», «изменник» – «шգշղիշ». Заимствованное русским языком слово «патриот», согласно данным отдельных словарей, имеет следующие синонимы: «отчизнолюб, отечественник или отчизник» (Даль – эл. ресурс); «отчизнолюб, отчизнолюбец» (Тришин – эл. ресурс); «отчизнолюбец» (устар.)» (Александрова 2011 – эл. ресурс). В синонимических словарях (Александрова 1968, НОССРЯ – эл. ресурс) не представлены вышеназванные синонимы к слову «патриот», квалифицируемому, таким образом, как слово, не имеющее синонимов в современном русском языке. Толковые же словари (Ушаков – эл. ресурс; Ожегов, Шведова – эл. ресурс; МАС 1981 - 1984), в свою очередь, не включают данные синонимы в толкования слова «патриот». Примечательно, что Словарь Даля, избегающий, как известно, заимствований, включил в словарь это заимствование.

Примечательно также, что в НКРЯ отсутствуют употребления слова «отчизнолюб»; лексема «отчизнолюбец» представлена двумя контекстами из В.А. Сологуб (1845г.) и А.В. Никитенко (1838г.). Таким образом, в современном русском языке значение ‘любовь к родине, преданность родине’ выражает только лексема «патриот», которая при этом имеет затемненную, невоспринимаемую русскоязычным говорящим внутреннюю форму.

«Несмотря на прозрачную внутреннюю форму, слова *отчизнолюб*, *отечественник*, *роднолюб* воспринимаются сейчас как устаревшие, они полностью вытеснены интернационализмом грецизмом *патриот*» (Коряковцева 2011). Таким образом, мы можем констатировать фактическое отсутствие синонимов для слова «патриот» в современном русском языке: понятие ‘патриотизм, любовь к родине’ не обнаруживает тенденции к оформлению данного понятия в форме слова.

Несколько иную картину мы наблюдаем в армянском языке. Так, в «Словаре синонимов армянского языка» зафиксировано 5 синонимичных слов-композитов, имеющих лексическое значение ‘патриотизм, любовь к родине’: *ազգակըր*, *հայրենակըր*, *ազգապաշտութիւն*, *ազգանվէր*, *հայրենանվէր*, /իր ազգը սիրող՝ պաշտութիւն/ (Unipr̥iščján – эл. ресурс). Однако эти слова семантически неоднородны, они включают различные семантические / смысловые компоненты: первые основы *ազգ-* ‘народ, нация’ и *հայրեն-* ‘родина, отчизна’; вторые основы *-կըր* ‘любовь’, *-պաշտութիւն* ‘обожание, преклонение, обожествление’, *-նվէր* ‘преданность’. Таким образом, смысловая палитра синонимического ряда слов со значением ‘патриотизм, любовь к родине’ в армянском языке включает такие коннотации, смысловые нюансы, как «любовь к своему народу», «любовь к родине, отчизне», «обожание своего народа, преклонение перед ним», «преданный своему народу», «преданный родине, отчизне». В ВАНК (здесь и далее армянский текстовый материал см. в ВАНК – эл. ресурс) зафиксировано также 30 употреблений слова *հայրենապաշտութիւն* ‘обожающий свою родину, преклоняющийся перед ней’, то есть фактически в армянском языке есть 6 слов-синонимов, имеющих общее значение ‘патриотизм, любовь к родине’, но при этом каждое из них включает определенные коннотации. Следовательно, данный синонимический ряд в армянском языке характеризуется достаточно высокой степенью номинативной плотности.

Тематическую область «отчизна, родина» в словаре русского языка представляет также противоположный по значению синонимический ряд *изменник*, *предатель*, *иуда* (Александрова 1968; Евгеньева 1985 – 1988). Таким образом, в русском языке представлены три слова-синонима, которые, согласно словарным толкованиям, являются полными синонимами, следовательно, обеспечивают лишь рекуррентность синонимического ряда, ср.: *изменник* – «тот, кто совершил измену, предательство»; *предатель* – «человек, который предал, предаёт кого-что-н., изменник»; *иуда* (прост. презр.) – «предатель, изменник [по имени апостола Иуды Искариота, предавшего, согласно евангельскому сказанию, Иисуса Христа первовосвященникам]». Однако слово «иуда» стилистически маркировано и имеет лингвокультурный фон, что позволяет, хоть и в малой степени, увеличить номинативную плотность ряда.

Армянский синонимический ряд, включенный в тематическую область «отчизна, родина», в Словаре синонимов представлен девятью композитами, ср.: *ազգակից*,

ազգադրուժ, հայրենադավ, հայրենադրուժ, ազգավաճառ, հայրենավաճառ, ազգուցած, ժողովրդապաշ, հայրենուցած /իր ազգին դաշնո՞ւ դաշվաճանո՞ւ/ /Ուրբաթացի – էլ. ресурс/. Конечно, все они имеют общее значение ‘изменник родины’, но являясь сложными по составу словами, комбинируя основы, они при этом содержат различные смысловые нюансы, коннотации – «предатель (своего) народа», «предатель родины», «отрекшийся от (своего) народа», «отрекшийся от родины», «продавший (свой) народ», «продавший родину».

Однако нельзя не заметить, что в русском и армянском синонимических рядах наблюдается семантическая асимметрия: русские слова «изменник», «предатель», «иуда» имеют более широкое значение, чем значение ‘изменник родины’, которое они актуализируют лишь в контексте. Армянский язык также располагает аналогичными лексемами, образующими отдельный синонимический ряд с общим значением ‘предатель, доносчик’: *դաշվաճան–մատնիչ, /փիր/՝ ծախու, դեղին, հուղի, վասիկ, կայեն /դաշվաճանող, յուրայիններին դաշվաճանող/ /մարդ/*. В контексте тематической области «котчизна, родина» данные синонимические ряды могут быть объединены, образуя единое концептуальное пространство. Таким образом, в армянском языке концептуальное пространство «измена (родине)» покрывает 16 лексем, подавляющее большинство которых являются идеографическими синонимами. Следовательно, номинативная плотность данного концептуального пространства достаточно большая.

Обобщая наблюдения над данными межъязыковыми синонимами, мы можем сделать вывод о том, что на этом участке лексической системы языка наблюдается существенная асимметрия между русским и армянским языками – русские синонимические ряды немногочисленны (а в случае со значением ‘патриотизм, любовь к родине’ синонимы слова «патриот» являются архаичными и практически неупотребительными / малоупотребительными) характеризуются большей рекуррентностью и очень низкой номинативной плотностью. В противоположность этому армянские синонимические ряды многочисленны и характеризуются высокой номинативной плотностью.

При характеристике синонимического ряда как концептуального единства представляется важным вопрос о соотношении синонимического ряда как фрагмента языковой системы с такими формами реализации языка, как коммуникативная, дискурсивная, текстовая. Иными словами, влияют ли такие свойства синонимического ряда, как рекуррентность, семантическая детализированность, номинативная плотность на сферы практического применения языка? Этот вопрос может стать объектом отдельного исследования.

Выводы

В начале исследования нами было сделано предположение о том, что синонимический ряд можно рассматривать как цельное концептуальное образование, имеющее определенную смысловую организацию. Рассматривая синонимический ряд с этой точки зрения, мы можем его уподобить фрактальным структурам в природе. Основание для подобной аналогии мы видим в том, что при кажущейся хаотичности подобные структуры находятся в определенном порядке, а ее отдельные части либо полностью, либо частично повторяют целое. Точно так

же каждый отдельный синоним с понятийной / концептуальной точки зрения с той или иной степенью точности повторяет смысловую конфигурацию синонимического ряда как единого концептуального целого.

ROUZAN GRDZELYAN – Semantic Organization of the Synonymic Sets. – The article examines the Russian and Armenian synonymic sets from the point of view of their semantic organization. We put forward a hypothesis that the basis of the semantic mechanisms for the formation of synonyms is the idea of semantic patterns. Features associated with the predominance of certain patterns in a language can be considered a typological characteristic of a given language. Thus, the relevance of such a topic is due to the desire to consider the traditional problem of synonymy from a different point of view, in the context of a different scientific approach to synonymy as a semantic mechanism of identity, to the ability of a language to generate self-similar models. This approach can contribute to the development of new research methods in the field of theoretical linguistics and lexical typology. The study examines synonyms within the framework of their traditional presentation in the form of synonymous sets and makes an attempt to describe them as a certain semantic, conceptual whole, consisting of words / meanings of words, semantic components that have a certain organization and are in certain relationships. By analogy with the semantic field, the synonymous sets also have a component or components that is obligatory for all words of the series - the semantic core, as well as a number of additional, optional semantic elements. Thus, a synonymous set may include words with the same set of semantic components. The number of similar words indicates a low or, conversely, high degree of recurrence of synonyms with the same set of semantic components. A synonymous series as a conceptual space can include a different set of optional semantic components, that is, have a greater or lesser degree of detail in the semantic structure - different nominative density. It seems that the description of the synonymous sets from this point of view is most effective for identifying typological differences between groups of synonyms in two languages.

Key words: *synonymic set, semantic organization, recurrence, nominative density, semantic pattern.*

Список научной литературы

- Адлер, А. Цитаты. URL: <http://surl.li/atpyff> [дата обращения: 19.07.2024].
- Аристотель. *Метафизика*. URL: <http://surl.li/gkjihj> [дата обращения: 19.07.2024].
- Восточноармянский национальный корпус (ВАНК). URL: <http://surl.li/qklaig> [дата обращения: 10. 01. 2024].
- Коряковцева, Е.И., 2011. Языковой образ патриота в современных общественных дискурсах России, Польши и Чехии. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 6(2), сс.314 – 318. URL: <http://surl.li/lbmjly> [дата обращения: 19.07.2024].
- Мандельброт, Б. Фрактальная геометрия природы. URL: <http://surl.li/aejkv> [дата обращения: 19.07.2024].
- Национальный корпус русского языка (НКРЯ). URL: <https://ruscorpora.ru/new/> [дата обращения: 19. 07. 2024].
- Ульманн, С. 1970. Семантические универсалии. В кн.: *Новое в лингвистике: Языковые универсалии*. Вып.5. Москва: Прогресс, сс.250-299.
- Филлмор, Ч. 1983. Об организации семантической информации в словаре. В кн.: *Новое в зарубежной лингвистике. Проблемы и методы лексикографии*. Вып.14. Москва: Прогресс, сс.:23-60.

Список использованных словарей

- Александрова, З.Е., 1968. *Словарь синонимов русского языка*. Л.А. Чешко ред. Москва: Советская энциклопедия.
- Александрова, З.Е., 2011. *Словарь синонимов русского языка. Практический справочник*. URL: <http://surl.li/pyhziv> [дата обращения: 19.07.2024].
- Даль, Вл., 1955. *Толковый словарь живого великорусского языка*, тт. 1-4, 6-е изд. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей.
- Новый объяснительный словарь синонимов русского языка (НОССРЯ), 2004. Ю.Д. Апресян ред. Москва; Вена: Языки славянской культуры; Венский славистический альманах. URL: <http://surl.li/sopozn> [дата обращения: 19.07.2024].
- Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. *Толковый словарь русского языка*. URL: <https://ozhegov.info/slovar/> [дата обращения: 19.07.2024].
- Словарь русского языка*, 1981–1984. А.П. Евгеньева ред., тт. 1-4, 2-е изд. Москва: Русский язык.
- Толковый словарь Ушакова онлайн*. URL: <https://ushakovdictionary.ru/> [дата обращения – 19.07.2024].
- Тришин, В.Н., 2013. *Словарь синонимов*. URL: <http://surl.li/tlbveo> [дата обращения: 19.07.2024].
- Աղյան, Էդ., 1976. *Արդի հայերենի բացատրական բառարան*. Երեւան, Հայաստան. URL: <http://surl.li/nauiwz> [дата обращения - 19.07.2024].
- Ժամանակակից հայոց լեզվի բացատրական բառարան, 1974. Երեւան, Հայկական ՍՍՀ Գիտությունների Ակադեմիայի Հրատարակչություն. URL: <http://surl.li/byqmos> [дата обращения - 19.07.2024].
- Մալխасեանց, Ա., 1944. *Հայերէն բացատրական բառարան*. Երեւան, Հայկական ՍՍՀ Պետական Հրատարակչութիւն. URL: <http://surl.li/hegxrh> [дата обращения - 19.07.2024].
- Սուրիապյան, Ա.Ա., 2009. *Հայոց լեզվի հոմանիշների բացատրական բառարան*: Երեւան, Երեւանի Պետական Համալսարանի հրատարակչություն. URL: <http://surl.li/nluqyf> [дата обращения - 19.07.2024].

References

- Adler, A. *Tsityat [Quotes]*. URL: <http://surl.li/atpyff> [Accessed 19 July 2024]. (in Russian).
- Aristotel'. *Metafizika [Metaphysics]*. URL: <http://surl.li/gkjihj> [Accessed 19 July 2024]. (in Russian).
- Vostochnoarmyanskiy natsional'nyy korpus (VANK) [Eastern Armenian National Corps]*. URL: <http://surl.li/qklaig> [Accessed 19 July 2024]. (in Russian).
- Koryakovtseva, E.I., 2011. Yazykovoy obraz patriota v sovremennykh obshchestvennykh diskursakh Rossii, Pol'shi i Chekhii [The Linguistic Image of a Patriot in Modern Public Discourses of Russia, Poland and the Czech Republic]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 6(2), pp.314–318. URL: <http://surl.li/lbmjly> [Accessed 19 July 2024]. (in Russian).
- Mandel'brot, B. *Fraktal'naya geometriya prirody [Fractal Geometry of Nature]*. URL: <http://surl.li/ueejkv> [Accessed 19 July 2024]. (in Russian).
- Natsional'nyy korpus russkogo yazyka (NKRYa) [National Corpus of the Russian Language]*. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> [Accessed 19 July 2024]. (in Russian).
- Ullmann, S., 1970. Semanticheskie universalii [Semantic Universals]. In: *Novoe v lingvistike: Yazykovye universalii. [New in Linguistics: Language Universals]*. Issue 5. Moscow: Progress Publ., pp.250-299. (in Russian).

Fillmor, Ch., 1983. Ob organizatsii semanticheskoy informatsii v slovare [On Organizing Semantic Information Into a Dictionary]. In: Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Problemy i metody leksikografii. [New in Foreign Linguistics. Problems and Methods of Lexicography.]. Issue 14. Moscow: Progress Publ., pp.:23-60. (in Russian).

The list of used dictionaries

- Aleksandrova, Z.E., 1968. *Slovar' sinonimov russkogo yazyka* [Dictionary of Synonyms of The Russian Language]. L.A. Cheshko ed. Moscow: Sovetskaja jenciklopedia Publ. (in Russian).
- Aleksandrova, Z.E., 2011. *Slovar' sinonimov russkogo yazyka. Prakticheskiy spravochnik* [Dictionary of Synonyms of The Russian Language. Practical Guide]. URL: <http://surl.li/pyhziv> [Accessed 19 July 2024]. (in Russian).
- Dal', Vl., 1955, *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language], vv. 1-4, 6th ed. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarey Publ. (in Russian).
- Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka (NOSSRYA) [New Explanatory Dictionary of Synonyms of the Russian Language], 2004. Yu. D. Apresyan ed. Moscow; Vienna: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ; Venskiy slavisticheskiy al'manakh Publ. URL: <http://surl.li/sopozn> [Accessed 19 July 2024]. (in Russian).
- Ozhegov, S.I. and Shvedova, N.Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of The Russian Language]. URL: <https://ozhegov.info/slovar/> [Accessed 19 July 2024]. (in Russian).
- Slovar' russkogo yazyka* [Russian Dictionary], 1981-1984. A.P. Evgen'eva ed, Vol.1-4, 2-nd ed. Moscow: Russkiy yazyk Puvl. (in Russian).
- Tolkovyy slovar' Ushakova onlayn* [Online Explanatory Dictionary of The Russian Language]. URL: <https://ushakovdictionary.ru/> [Accessed 19 July 2024]. (in Russian).
- Trishin, V.N., 2013. *Slovar' sinonimov* [Dictionary of Synonyms]. URL: <http://surl.li/rlbveo> [Accessed 19 July 2024]. (in Russian).
- Aghayan, Ed., 1976. *Ardi hayereni bats'atrakan barraran* [Explanatory Dictionary of Modern Armenian]. Yerevan: Hayastan Publ. URL: <http://surl.li/nauiwz> [Accessed 19 July 2024]. (in Armenian).
- Zhamanakakits' hayots' lezvi bats'atrakan barraran [Explanatory Dictionary of Modern Armenian], 1974. Yerevan: Armenian SSR Academy of Sciences Publ. URL: <http://surl.li/byqmos> [Accessed 19 July 2024]. (in Armenian).
- Malkhaseanc, S., 1944. *Hayere'n bacatrakan bar'aran* [Armenian Explanatory Dictionary]. Erevan: Armenian SSR State Publ. URL: <http://surl.li/hegxrh> [Accessed 19 July 2024]. (in Armenian).
- Suk'iayan, A. M., 2009. *Hayots' lezvi homanishneri bats'atrakan barraran* [Explanatory Dictionary of Synonyms of the Armenian Language]. Yerevan: Yerevan State Univ. Publ. URL: <http://surl.li/nluqyf> [Accessed 19 July 2024]. (in Armenian).

НЕЗАВИСИМЫЙ ИНФИНТИВ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВОДИАКТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

ЛИАННА МАТЕВОСЯН*^{ID}

Ереванский государственный университет

Аннотация. Интерес лингвистов к неопределенной форме глагола не ослабевает – тема эта продолжает быть актуальной и в наши дни. Дискуссии о “функциональном” употреблении инфинитива продолжаются и сегодня. Синтаксическая многофункциональность независимого инфинитива и вытекающие из этого разногласия между учеными-лингвистами рождают споры при дифференциации безличных и инфинитивных предложений; не угасает интерес и к семантике инфинитивных предложений – разнообразной, многоплановой и поэтому открытой для пополнения списка семантических групп в системе инфинитивных предложений и их описания.

Объектом нашего изучения является независимый инфинитив, функционирующий как главный член в инфинитивных предложениях, который, однако, во всех российских и отечественных школьных учебниках – за исключением учебника В. В. Бабайцевой и Л. Д. Чесноковой [2023] –дается в качестве составляющей (части) предикативной основы безличных предложений наряду с зависимым инфинитивом. Так обстоят дела в, так называемой, “школьной грамматике” – в “вузовской грамматике” все выглядит иначе. Объединение в “школьной грамматике” инфинитивных предложений с безличными не случайно. У них действительно есть общий синтаксический признак – бесподлежащность: несочетаемость главного члена – независимого инфинитива – с именительным падежом. Вместе с тем инфинитивные предложения существенно отличаются от безличных. Инфинитив – форма непредикативная, но независимая форма инфинитива в определенной синтаксической позиции становится носителем предикативности, т. е. обретает предикативные значения объективной модальности.

В настоящее время в “школьной грамматике” вопрос о выделении инфинитивных предложений в системе односоставных предложений в качестве самостоятельного типа не решен.

Ключевые слова: независимый инфинитив, синтаксическая функция, инфинитивные предложения, семантика, школа, вуз

* Лианна Матевосян – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языкоznания, типологии и теории коммуникации факультета русской филологии ЕГУ

Լիաննա Մաթևոսյան – քանակիրական գիլուուրունների դրկանոր, պրոֆեսոր, ԵՊՀ ռանակիրուրյան ֆակուլտետի ոուսաց լեզվաբանության, տիպարանության և հաղորդակցման տեսության ամբիոնի պրոֆեսոր

Lianna Matevosyan – Sc.D. in Philology, Professor at the Chair of Russian Linguistics, Typology and Theory of Communication, Faculty of Russian Philology, YSU

Эл. почта: lianna.matevosyan@ysu.am <https://orcid.org/0009-0001-1642-8349>

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License.

Получено: 22.09.2024

Рецензия: 16.12.2024

Одобрено: 27.12.2024

© The Author(s) 2024

Неопределенная форма глагола – одна из нефинитных (безличных) глагольных форм – издавна привлекала внимание ученых. Об инфинитиве написано много – казалось, он исследован практически целиком и полностью, однако интерес лингвистов к неопределенной форме глагола не ослаб – и тема эта остается актуальной и в наши дни. Лингвисты и сегодня продолжают спорить по поводу “функционального” употребления инфинитива.

1. Зависимый и независимый инфинитив: синтаксические функции независимого инфинитива

Общеизвестно, инфинитив, будучи исходной формой глагола, обозначает действие. Выделяют два типа инфинитива: зависимый и независимый. Зависимость/независимость инфинитива предопределяет его синтаксическую функцию: *зависимый инфинитив* входит в состав глагольного сказуемого, выступает в функции несогласованного определения, является частью главного члена безличного предложения, *независимый инфинитив* не зависит от других членов предложения, является синтаксическим центром предложения и выполняет синтаксические функции подлежащего, некоординированной формы простого глагольного сказуемого, главного члена односоставных инфинитивных предложений. Синтаксические функции независимого инфинитива могут быть представлены так:

синтаксические функции
независимого инфинитива:

✓ функция
подлежащего

✓ функция некоординированной
формы простого глагольного
сказуемого

✓ функция главного члена
инфinitивных предложений

Независимый инфинитив в любой синтаксической функции: подлежащего, некоординированной формы простого глагольного сказуемого, главного члена инфинитивного предложения – является ядром предложения:

✓ подлежащее:

Радоваться жизни – счастье; «Плакать так смешно и глупо. / Зареветь, не кончив супа!» (М. Цветаева, «Так»); *«Дарить себя – не значит продавать; / И рядом спать – не значит переспать; / Не отомстить – не значит все простить; / Не рядом быть – не значит не любить.* (О. Хайям, «Дарить себя не значит продавать»); *«Дружить со мной нельзя, любить меня – не можно!* (М. Цветаева, «Дружить со мной нельзя»); *«Мне полюбить Вас не довелось, /*

A может быть – и не доведется!» (М. Цветаева, «Мне полюбить Вас не довелось»); *«Любить иных – тяжелый крест, / А ты прекрасна без извилин, / И прелести твоей секрет / Разгадке жизни равносителен».* (Б. Пастернак, «Любить иных – тяжелый крест»); *«Любить вас долго было б скучно, / Любить до гроба – право, смех, / Пройти же вас мимо равнодушно – / Перед собою тяжкий грех».* (М. Лермонтов, «Любить вас долго было б скучно»).

✓ некоординированная форма простого глагольного сказуемого:
«И царица хохотать, / И плечами пожимать, / И подмигивать глазами, / И прищелкивать перстами, / И вертеться, подбочась, / Гордо в зеркальце глядясь». (А. Пушкин «Сказка о мертвом царевне и о семи богатырях»); *«Я к вам по делу пришел, а вы бодаться!»* (М/ф «Каникулы в Простоквашино»); *«Я за свечку, / Свечка – в печку! / Я за книжку – / Та бежать / И впропрыжку под кровать».* (К. Чуковский, «Мойдодыр»).

✓ главный член инфинитивного предложения:
Никогда нам не узнать, о чем думал перед гибелью солдат.

Вопрос о синтаксической функции независимого инфинитива в позиции главного члена инфинитивных предложений остаётся дискуссионным, а значит, актуальным.

2. Независимый инфинитив как главный член инфинитивных предложений и их семантика

Синтаксическая многофункциональность независимого инфинитива и вытекающие из этого разногласия между учеными-лингвистами при дифференциации безличных и инфинитивных предложений продолжают волновать исследовательский ум, не угасает интерес и к семантике инфинитивных предложений. По своей семантической представленности инфинитивные предложения разнообразны, и список семантических групп в системе инфинитивных предложений открыт для пополнения и описания.

Разнообразие функционально-синтаксического употребления независимого инфинитива делает речь содержательной, выразительной, экспрессивной, однако говорящий, возможно, не всегда осознает это. С помощью этой особой формы глагола выражаются самые разные чувства и значения, например: ‘неизбежность’ – *«Быть победе!;* ‘желание’ – *«Одну минуту, еще одну минуту видеть ее, проститься, пожать ей руку...»* (М. Лермонтов, «Герой нашего времени»), *«Быть первым, вольно одиноким! / И видеть, что близка мечта, / И слышать отзвуком далеким / Удары ног и щелк хлыста!»* (В. Брюсов, «На скачках»); ‘ побуждение к ответу’ – *Где нам отдохнуть?;* ‘осуждение’, ‘упрек’ – *Вам бы все развлекаться!;* ‘сомнение’, ‘раздумье’ – *Не посоветоваться ли со старшими?* *Не спросить ли у прохожих?;* ‘целесообразность’ – *Вам бы провериться для спокойствия. Мне бы потренироваться;* ‘колебание, растерянность, нерешительность’ – *«Куда деваться от княжон!»* (А. Грибоедов, «Горе от ума»); ‘призыв, приказ’ – *Не входить! Не курить! Молчать! Не шуметь! Дать людям*

свободу! Не хамить! Руками не трогать!; ‘опасение’ – *Не забыть бы про встречу! Не упасть бы на катке! Не заболеть бы! Не опоздать бы на лекцию!;* ‘объективную необходимость действия’ – «*Не дотерпеть – пропасть, / Перетерпеть – пропасть...*» (Н. Некрасов, «Кому на Руси жить хорошо»), «*Как ни тепло чужое море, / Как ни красна чужая даль, / Не ей поправить наше горе, / Размыкать русскую печаль!*» (Н. Некрасов, «Тишина»), к этому значению может примешиваться оттенок ‘легкости или трудности действия’, особенно в отрицательных предложениях: «*Не нагнать тебе бешеной тройки!*» (Н. Некрасов, «Тройка»); ‘субъективную необходимость действия’ – «*Принять его, позвать, просить, сказать, что дома, / Что очень рад.*» (А. Грибоедов, «Горе от ума»); ‘невозможность’ – «*Умом Россию не понять, / Аришином общим не измерить: / У ней особенная стать – / В Россию можно только верить.*» (Ф. Тютчев, «Умом Россию не понять») и др.

Объектом нашего изучения является независимый инфинитив, функционирующий как главный член инфинитивных предложений, который, однако, дается в качестве части предикативной основы безличных предложений – наряду с зависимым инфинитивом – во всех школьных учебниках – за исключением учебника В. В. Бабайцевой и Л. Д. Чесноковой [2023], в вузовской же грамматике все обстоит иначе.

Под инфинитивными предложениями, в соответствии с традиционным подходом, подразумеваются бесподлежащные предложения с грамматически независимым инфинитивом в функции главного члена. Например:

«*Вам слово молвить, и потом / Все думать, думать об одном / И день и ночь о новой встрече.*» (А. Пушкин, «Евгений Онегин»).

Независимые инфинитивы *молвить, думать* являются главными членами предложения и выражают ‘необходимость’.

Инфинитивные предложения, главный член которых выражен независимым инфинитивом, являющимся, в свою очередь, структурообразующим компонентом, и есть специфический структурно-семантический тип русского предложения; в предикативной основе таких предложений один главный член, представленный независимым инфинитивом, а входящие в состав предложения словоформы непосредственно или опосредованно зависят от инфинитива. Ср.:

«*Смелее! Вот толчок опять. / А тут бы влево лишь принять*» (*принять* тут, *принять* влево). (И. Крылов, «Обоз»).

«*С Татьяной нам не ворожить*» (*не ворожить* с Татьяной). (А. Пушкин, «Евгений Онегин»).

«*Вам не видать таких сражений*» (*не видать* сражений) (М. Лермонтов «Бородино»).

В инфинитивных предложениях предикат называет действие активное, но потенциальное, которое возможно при определенных условиях; для осуществления этого действия субъекту необходимо приложить некоторые усилия, а в безличных предложениях инфинитив называет действие пассивное, его реализация не зависит от желания и воли субъекта действия, оно происходит как бы само по себе.

Действие, которое представлено в инфинитивных предложениях, предполагает наличие действующего лица имплицитно. Вербально субъект может быть выражен и (или) не выражен, но позиция субъекта в структуре предложения сохраняется: предикативные отношения устанавливаются здесь, как и в любом другом предложении, между субъектом и предикатом действия. При экспликации субъект, как правило, выражается дательным падежом.

Исследователи неоднократно отмечали, что формирование инфинитивных предложений – следствие модификации «подлежащно-сказуемостной» структуры:

Всем сесть! ← Все сели;

Мне не выполнить задания. ← Я не выполню (не могу выполнить) задание;

Увидеть бы мне это еще раз. ← Я хочу увидеть это еще раз.

Отсутствие вербального выражения субъекта потенциального действия можно объяснить по-разному: или неназванный субъект легко восстанавливается из контекста/конситуации, или его повторение может казаться автору избыточным. Например:

«– Но вы совсем не знаете, как жить» ('как вам жить'). (К. Паустовский. «Романтики»).

«– Зачем так говорить? – сказала с легкой укоризной Наташа и внимательно посмотрела мне в глаза. – Ну зачем?» (вопрос относится к собеседнику: 'тебе зачем так говорить'). (К. Паустовский, «Романтики»).

Для автора, возможно, производитель действия не значим – им может быть любое лицо, за которым “скрывается” и сам говорящий. Ср.:

«*Любить* женщин под жестяными фонарями на мокрых прилавках – вот. Потом *изучать* на лицах все пороки и болезни континента и колоний». (К. Паустовский, «Романтики»).

Обязательное наличие позиции субъекта в структуре инфинитивных предложений лежит в основе принципиальной двухкомпонентности структурных схем инфинитивных предложений. Структурная схема, к примеру, лежащая в основе высказывания *Ребятам дремать* ('кому быть в каком состоянии'), представлена субъектом в форме дательного падежа *ребятам* и предикатом со значением 'побуждаемого/необходимого состояния', выраженного инфинитивом *дремать*: Dat Inf.

Предложение *Родителям строить дом* формирует трехкомпонентная структурная схема кому делать что: глагол созидания, его валентная структура, предопределяет наличие в структурной схеме словоформы со значением созидаемого объекта. В символах структурная схема может быть представлена как N₃ – Inf – N₄, где имя в дательном падеже – производитель потенциального действия, неопределенная форма глагола – само действие, а имя в винительном падеже – артефакт, или предмет, создаваемый в процессе трудовой деятельности.

Итак, инфинитивные предложения – это односоставные предложения, главным членом которых является независимый инфинитив. В современном русском языке инфинитивные предложения очень распространены и широко используются и в разговорной речи, и в художественной литературе – как в прозе, так и в поэзии.

«Опять бежать и спотыкаться, / Опять трубить, и гнать, и звякать, / Рождать рыданье, но не плакать, / Не умирать, не умирают?» (Б. Пастернак, «Опять Шопен не ищет выгод»).

А. М. Пешковский отмечает, что в инфинитивных предложениях «... инфинитив сам по себе. Сказуемость в них глагольная, имеется как норма, так и член, обозначающий деятеля в дательном падеже существительного. Но следует этот дательный отличать от дательного, зависящего от инфинитива, например: Как мне сказать ему о вас?». [2001, с.354]. Первый дательный (*мне*) – действующее лицо, а второй (*ему*) – косвенное дополнение.

Термин «инфинитивные предложения» употреблялся и раньше: в трудах А.А. Шахматова, который включал разряд «инфинитивные бесподлежащие предложения» в класс «односоставных сказуемо-бесподлежащих предложений» [2001, сс.81-83], а в работе Пешковского отмечается независимый характер инфинитива и глагольный характер сказуемости, что предполагает выражение лица формой дательного падежа [2001, сс.381-385]. Системное описание места инфинитивных предложений в общей типологии простых предложений русского языка, систематизация их типов на основе структурных и семантических принципов принадлежит К. А. Тимофееву. В работах Тимофеева инфинитивные предложения рассматриваются как особая разновидность односоставных предложений, которая обладает, в отличие от безличных предложений, признаком независимости инфинитива:

Инфинитивными называются такие одночленные предложения, сказуемое которых выражено независимым предикативным инфинитивом. Специфической синтаксической особенностью инфинитивных в собственном смысле этого слова предложений является употребление в их составе независимого предикативного инфинитива. В этом отличие их от тех одночленных предложений, в составе которых имеется зависимый (примыкающий) инфинитив. Например: Мне придется ехать. Ему надо работать и т. п. [1950, с.262].

И в общей типологии простых предложений инфинитивные занимают самостоятельное место среди неличных односоставных предложений в одном ряду с безличными.

Приведем примеры инфинитивных предложений:

«Февраль. Достать чернил и плакать! / Писать о феврале навзрыд... <...> / Достать пролетку. <...> / Перенестись туда, где ливень / Еще шумней чернил и слез» (Б. Пастернак, «Февраль. Достать чернил и плакать») – значение ‘неизбежности’.

«Родиться бы сто лет назад / и сохнущей поверх перины / глазеть в окно и видеть сад, / кресты двуглавой Катарины; / стыдиться матери, икать / от наведенного лорнета, / тележку с рухлядью толкать / по желтым переулкам гетто; / вздыхать, накрывшись с головой, / о польских барышнях, к примеру; / дождаться Первой мировой / и пасть в Галиции – за Веру, / Царя, Отечество, – а нет, / так пейсы переделать в бачки / и перебраться в Новый Свет, / блюя в Атлантику от качки» (И. Бродский, «Литовский дивертисмент») – значение ‘желательности’.

«И скучно и грустно, и некому руку подать / В минуту душевной невзгоды... / Желанья!.. что пользы напрасно и вечно желать?.. / А годы проходят – все

лучшие годы! / Любить... но кого же?.. На время – не стоит труда, / А вечно любить невозможно» (М. Лермонтов, «И скучно и грустно») – значение ‘невозможности’.

«Чтоб вечно их **помнить**, там надо быть раз...» (М. Лермонтов, «Кавказ») – значение ‘долженствования’.

«Как сказать мне для прекрасной Лалы / По-персидски нежное «люблю»? Как назвать мне для прекрасной Лалы / Слово ласковое «поцелуй»?» (С. Есенин, «Я спросил сегодня у менялы») – значение ‘растерянности’ с оттенком ‘побуждения к ответу’.

«**Ни съесть, ни выпить, ни поцеловать**» (Н. Гумилев, «Шестое чувство») – значение ‘невозможности’.

«Лицом к лицу / Лица **не увидать**» (С. Есенин, «Письмо к женщине») – значение ‘невозможности’.

«Не смешно ли весь век по копейке копить, / Если вечную жизнь все равно **не купить?**» (О. Хайям, «Не смешно ли весь век по копейке копить») – значение ‘невозможности’.

«Не затем же **пускаться** в дорогу, / Чтобы в любящем сердце опять / Пробудить роковую тревогу...» (Н. Некрасов, «Мороз, красный нос») – значение ‘целесообразности’.

«Так **жить**, чтоб мало в кузове / Народу. Так **жить**, чтоб мало в кузове / Вещей» (А. Межиров, «Соседи») – значение ‘желательности’.

Богатая семантика инфинитивных предложений делает речь выразительной, яркой и красочной.

3. Инфинитивные предложения vs безличные предложения

Объединение инфинитивных предложений в “школьной грамматике” с безличными не случайно. У них, действительно, есть общий синтаксический признак – бесподлежащность: несочетаемость главного члена – независимого инфинитива – с именительным падежом. Вместе с тем инфинитивные предложения существенно отличаются от безличных. Инфинитив – форма непредикативная, но в синтаксически независимой позиции он становится носителем предикативности, т. е. обретает предикативные значения объективной модальности.

Большая часть инфинитивных предложений имеет значение ирреальной модальности (волеизъявление, желательность, невозможность) и, следовательно, временной неопределенности. Многие инфинитивные предложения перекликаются с безличными, выражают одно и то же модальное значение, но безличные предложения выражают лексически, а инфинитивные – синтаксически. Ср.: Здесь **невозможно проехать** (безличное предложение). – Здесь **не проехать** (инфinitивное предложение); **Нельзя курить!** (безличное предложение) – **Не курить!** (инфinitивное предложение).

Большая часть инфинитивных предложений не имеет парадигмы – единственная форма выражает модальное значение ирреальности и временную неопределенность: *Отдохнуть бы!* *Не разговаривать!* Но для некоторых инфинитивных предложений возможно значение временной определенности, выраженной глаголом-связкой *быть*. Это предложения, которые в «Русской грамматике» [1980,

с.373] определяются как предложения со значением ‘объективной предопределенности’: действие не определяется субъектом ситуации, а объективно существует. Например: «*Отсюда не разглядеть было, как одеты всадники*» (Л. Толстой), «*Ему несдобровать будет*» (В. Шукшин). Предложения со значением ‘объективной предопределенности’ выражают: ‘невозможность’ – *Ему не разобраться самому*; ‘отсутствие необходимости’, ‘ненужность’ – *Нам к морозам не привыкать*; ‘недопустимость’ – *Не мне же первому к ней идти*.

Инфинитивные предложения со значением ‘субъективной предопределенности’ (действие определяется субъектом ситуации) не имеют временных форм. Их разновидности: значение ‘побуждения’ – *Не возражать! Никому не двигаться!*; значение ‘желательности’ – *Еще раз увидеть ее!*, а также употребление в вопросительных предложениях – *Как тебе объяснить?* [Русская грамматика, 1980, с.374].

4. Расхождения школьной и вузовской грамматики

В школьном образовании при обучении русскому языку синтаксис занимает одно из доминирующих мест, так как является организующим центром грамматики. В синтаксисе наиболее полно проявляется функциональная значимость языковых единиц, их участие в достижении коммуникативной цели.

В настоящее время в школьной грамматике вопрос о выделении инфинитивных предложений в качестве самостоятельного типа в системе односоставных предложений не решен. Авторы школьных учебников вслед за такими учеными, как, например, Е. М. Галкина-Федорук [1958], рассматривают их как разновидность безличных предложений, возможно, и потому, что вопрос о месте инфинитивных предложений в системе односоставных предложений в современной лингвистике не имеет единого решения. Одни ученые выделяют их в особую разновидность односоставных предложений [Пешковский, 2001, с.381], другие – включают их в состав безличных [Современный русский язык, 1962-1964, с.143], и как следствие – инфинитивные предложения в курсе школьного языкового образования рассматриваются как разновидность безличных предложений.

Выводы

Тема «Безличные предложения» является одной из тем синтаксиса современного русского языка. Тема – сложная, в первую очередь, с точки зрения отграничения инфинитивных предложений от безличных. Инфинитивные предложения близки к безличным, однако не следует их относить к одному структурно-семантическому типу – безличным предложениям, как это принято в школьной практике преподавания русского языка, а также в некоторых научных и учебно-методических работах. П. А. Лекант в связи с этим пишет: «*Грамматическим недоразумением* (курсив наш – Л.М.) можно назвать то, что языковеды и авторы учебников связывали и до сих пор связывают инфинитивные предложения с категорией безличности, с безличными предложениями» [2006, сс.3-7].

Еще много лет назад В. В. Бабайцева обратила внимание на то, что уроки синтаксиса современного русского языка стали неинтересными для обучающихся, так как полученные ими знания являются просто «большим информационным багажом», не способствующим решению жизненных проблем различного характера.

Причину Бабайцева видит в отсутствии «... мотивационного компонента обучения, оторванности учебного процесса от реального существования языковой среды, непонимании школьниками значения и роли изучаемых на уроке синтаксических терминов и понятий в повседневной жизни» [2017, с.67]. А между тем овладение синтаксическими знаниями помогает понять текст и способствует развитию собственной речи.

LIANNA MATEVOSYAN – *Independent Infinitive as the Subject of Linguodidactic Study.* – Linguists' interest in the indefinite form of the verb remains undiminished – this topic is still relevant today. Linguists continue to debate its functional use. The syntactic multifunctionality of the independent infinitive and the resulting disagreements among linguists give rise to disputes when differentiating between impersonal and infinitive sentences. Interest in the semantics of infinitive sentences – which are diverse, multifaceted, and thus open to an expanding list of semantic groups within the system of infinitive sentences and their descriptions – doesn't fade away.

The focus of our study is the independent infinitive, which functions as the principal element in infinitive sentences. However, it is presented as a constituent of the predicative basis of impersonal sentences alongside with the dependent infinitive in all Russian and domestic school textbooks, except for the textbook by V. V. Babaitseva and L. D. Chesnokova [2023]. This is true for the so-called “school grammar”, but the “university grammar” is altogether different.

The combination of infinitive sentences with impersonal ones in “school grammar” is not accidental. Indeed, they have a common syntactic feature – non-subjectivity, the incompatibility of the main infinitive member with the nominative case. However, infinitive sentences differ significantly from impersonal ones. The infinitive is a non-predicative form, but in an independent syntactic position, it becomes a carrier of predication, i.e., it acquires the predicative meanings of objective modality.

At present, in “school grammar”, the issue of distinguishing infinitive sentences as an independent type in the system of single-component sentences has not been resolved.

Key words: *independent infinitive, syntactic function, infinitive sentences, semantics, school, university.*

Список научной литературы

- Бабайцева, В.В., 2017. *Система членов предложения в современном русском языке.* 2-е изд. Москва: Флинта.
- Бабайцева, В.В. и Чеснокова, Л.Д., 2023. *Русский язык. 5–9 классы. Теория. Учебник.* Москва: Просвещение.
- Галкина-Федорук, Е.М., 1958. *Безличные предложения в современном русском языке.* Москва: Изд-во Московского университета.
- Лекант, П.А., 2006. О грамматической форме инфинитивного предложения. В кн.: П.А. Лекант ред. *Русское слово и высказывание: рациональное и эмоциональное.* Межвузовский сборник научных трудов. Москва: изд-во Московского гос. областного ун-та, сс.3–7.
- Пешковский, А.М., 2001. *Русский синтаксис в научном освещении.* 8-е изд. Москва: Языки славянской культуры.
- Русская грамматика*, 1980. Н.Ю. Шведова ред. Т.2. Москва: Наука.
- Современный русский язык. Учебник для филологических факультетов ун-тов, 1962–1964. Е.М. Галкина-Федорук ред. Т.2., Ч.1–2. Москва: Изд-во Московского ун-та.

- Тимофеев, К.А., 1950. Об основных типах инфинитивных предложений в современном русском литературном языке. В кн.: *Вопросы синтаксиса современного русского языка*. Москва: Учпедгиз, сс.257–301.
- Шахматов, А.А., 1941. *Синтаксис русского языка*. 2-е изд. Ленинград: Учпедгиз.

References

- Babajceva, V.V., 2017. *Sistema chlenov predlozheniya v sovremennom russkom yazyke* [The System Members of the Sentence in Modern Russian Language]. 2-nd ed. Moscow: Flinta Publ. (in Russian).
- Babajceva, V.V. and Chesnokova, L. D., 2023. *Russkij yazyk. 5-9 klassy. Teoriya. Uchebnik* [Russian Language. Grades 5-9. Theory. Textbook]. Moscow: Prosveshchenie Publ. (in Russian).
- Galkina-Fedoruk, E.M., 1958. *Bezlichnye predlozheniya v sovremennom russkom yazyke* [Impersonal Sentences in Modern Russian Language]. Moscow: Moscow Univ. Publ. (in Russian).
- Lekant, P.A., 2006. O grammaticeskoy forme infinitivnogo predlozheniya [About the Grammatical Form of the Infinitive Sentence]. In: P.A. Lekant, ed. *Russkoe slovo i vyskazyvanie: racional'noe i emocional'noe*. Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov [Russian Word and Statement: Rational and Emotional. Interuniversity collection of scientific papers]. Moscow: Moscow Region State Univ. Publ., pp.3-7 (in Russian).
- Peshkovskij, A.M., 2001. *Russkij sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian Syntax in Scientific Coverage]. 8th ed. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ. (in Russian).
- Russkaya grammatika* [Russian Grammar], 1980. N.Yu. Shvedova, ed. Vol. 2. Moscow: Nauka Publ. (in Russian).
- Sovremennyj russkij yazyk. Uchebnik dlja filologicheskikh fakul'tetov un-tov* [Modern Russian Language. Textbook for philological faculties of universities]. 1962-1964. E.M. Galkina-Fedoruk, ed. Vol. 2, Part 1-2. Moscow: Moscow University Publ. (in Russian).
- Timofeev, K.A., 1950. Ob osnovnyh tipah infinitivnyh predlozhenij v sovremennom russkom literaturnom yazyke [About the Main Types of Infinitive Sentences in Modern Russian Literary Language]. In: *Voprosy sintaksisa sovremenного russkogo yazyka* [Questions of Syntax of Modern Russian Language]. Moscow: Uchpedgiz Publ., pp.257-301 (in Russian).
- Shahmatov, A.A., 1941. *Sintaksis russkogo yazyka* [The Syntax of Russian Language]. Second ed. Leningrad: Uchpedgiz. Publ. (in Russian).

СЕДАКТИВНЫЕ ДЕТАЛИ В УЧЕБНОМ ТЕКСТЕ: ЭКСПЕРИМЕНТ ПО МЕТОДИКЕ ИЗВЛЕЧЕНИЯ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ

ПАВЕЛ ТРУЩЕЛЕВ*

Российско-Армянский университет

Аннотация. В статье представлены результаты экспериментального исследования понимания учебных текстов, которые содержат интересную, но незначимую с точки зрения обучения информацию. Компоненты текста, приводящие такую информацию, называют седактивными деталями. Цель эксперимента — выявить различия в понимании учебных текстов, которые включают седактивные детали с разной текстовой значимостью. Значимость определялась текстовой функцией деталей — их ролью в представлении референциальной области текста и развитии его темы. В эксперименте использовались три русскоязычных текста, взятых из российских учебников по географии для 7-х классов. Тексты различались значимостью и количеством привлеченных седактивных деталей. Метод эксперимента — извлечение ключевых слов. Испытуемые — 40 учащихся 7-х классов и 24 студента факультета географии — читали тексты и извлекали из них слова, наиболее важные с точки зрения содержания. Были получены 64 набора ключевых слов объемом 2 147 токенов. Испытуемые успешно определили основную тему текстов. Стратегии обработки испытуемых-школьников отличались большей конкретностью. Значимость извлеченных ключевых слов зависела от (i) показателя их встречаемости в тексте, (ii) их распределения в тексте, отражающего их текстовую функцию, (iii) маркеров контраста. Текстовая значимость седактивных деталей коррелировала со значимостью извлеченных из них ключевых слов. В смысловой структуре учебного текста седактивные детали интерпретировались испытуемыми не только как источник информации, но и как сигнал значимой информации. Седактивные детали в большей степени повлияли на обработку текстов испытуемыми-школьниками.

Ключевые слова: учебный текст, седактивные детали, ключевые слова, понимание текста, смысловая структура текста, извлечение ключевых слов.

* Павел Трушчелев – кандидат филологических наук, преподаватель Российско-Армянского университета, научный сотрудник Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Россия)

Պավել Տրուշչելև – բանասիրական գիտությունների թեկնածու, Հայ-ռուսական համալսարանի դասախոս, Պուշկինի անվան ուսուցչ լեզվի պետական ինստիտուտի գիտաշխատող (Ռուսաստան)

Pavel Trushchelev – PhD, lecturer at the Russian-Armenian University, researcher at the A.S. Pushkin State Institute of the Russian Language (Russia)

Эл. почта: pavel.trushchelev@gmail.com <https://orcid.org/0000-0003-0810-2434>

- Работа выполнена при финансовой поддержке госзадания, проект FZNM-2024-0003 «Комплексное изучение когнитивно-эмоциональных и лингвистических факторов коммуникативной деятельности человека в современном образовательном контексте».

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License.

Получено: 10.11.2024

Рецензия: 13.12.2024

Одобрено: 27.12.2024

© The Author(s) 2024

Введение

Работа посвящена проблеме понимания учебных текстов, в смысловой структуре которых представлены интересные, но незначимые с точки зрения учебных задач элементы. Для их обозначения с конца XX века используется термин «*seductive details*» (седактивные детали; СД) [Garner et al., 1989]. Экспериментально были выявлены основные эффекты от введения СД в текст [Rey, 2012; Sundararajan & Adesope, 2020]. С одной стороны, СД стимулируют интерес учащихся и развиваются навыки работы с информацией. С другой стороны, СД отвлекают внимание учащихся от основной учебной информации и создают дополнительную когнитивную нагрузку.

Постановка проблемы

Поскольку СД изучались психологами, их текстовые характеристики описаны мало. Рассмотрим детали, которые ранее привлекались для экспериментов; после каждого примера в скобках указана тема текста, из которого он извлечен:

(1) *Golfers are prime targets of lightning strikes because they tend to stand in open grassy fields, or to huddle under trees* (физическое явление «молния») [Harp & Mayer, 1998];

(2) *Bartlett died in 2002 at the age of 91. <...> In the 1930s he worked for a chemical company developing chemical fertilizer and in the 1940s he worked together with other scientists to improve the effectiveness of rocket guns* (статистический тест Бартлетта) [Rey, 2014];

(3) [When people first considered space travel, they did not know how the zero gravity of space would affect humans.] *Thus, monkey, who have similar blood stems to humans, were the first travelers in the space* (тело человека и космос) [Ushiro et al., 2015].

Пассажи отнесены к СД на основе социопрагматического критерия: знание сообщаемых фактов не является обязательным при изучении (1) понятия «молния», (2) теста Бартлетта, (3) анатомических особенностей человека. При этом следует подчеркнуть, что примеры не актуализируют универсально интересные топики: война, насилие, романтика, любовь, смерть (пример [1] связан опосредовано), событийная динамика, личностно значимые темы (см. [Ely et al., 2013; Swarat, 2008]). Следовательно, СД некорректно связывать исключительно с представлением занимательной, «денотативно» экспрессивной информации (хотя это не исключает такое их использование; напр., в учебниках пассажи с заголовками типа *Это интересно* или *A ты значешь, что...*).

Содержательной характеристикой СД является их относительная конкретность. Подчеркнем, что речь идет о конкретности сообщаемой информации, а не о конкретизации содержания текста (напр., в [3] конкретизации нет). Конкретность содержания определяется параметрами перцептивности, локализованности во времени / пространстве и способа реализации действия [Givon, 2018, pp. 235–250; Maienborn, 2019]. Например, в (1) конкретность выражена следующими средствами: (i) вторая клауза реализует семантическую модель «статуальная локация» (локализация в пространстве); (ii) данная клауза может быть уточнена темпоральными спецификаторами (...*they tend to stand continuously for 30 minutes or more in open grassy fields...*; локализация во времени и способ реализации); (iii) существительные имеют форму множественного числа (перцептивность, локализация в пространстве; ср. с более абстрактной версией: *A golfer is a prime target of a lightning strike...*).

Других лингвистических признаков СД не выделено. В связи с этим представляется важным изучить их положение в структуре текста, их роль в организации текста как целостной речевой конструкции [Schraw, 1998].

Дизайн работы

Цель

В основе работы лежит положение о ключевой роли структуры учебного текста в организации его обработки читателем [Meyer & Rey, 2011; Meyer et al., 2023].

Была сформулирована следующая гипотеза: влияние СД на понимание учебного текста зависит в том числе от значимости их положения в его смысловой структуре. Значимость компонента текста связывалась с его ролью в определении темы и области референции текста или его сегмента. Значимость компонента находит выражение в линейной структуре текста, задавая тематическое развертывание и средства обеспечения когерентности (см. [Givon, 2018; Martin & Rose, 2013; Pipalova, 2024]).

Цель работы — экспериментально выявить различия в понимании учебных текстов с учетом разной значимости СД.

Материал

В качестве материала использовались три текста из российских учебников по географии, адресованных учащимся 7-х русскоязычных классов. Анализ сложности текстов, проведенный с помощью ресурса *Текстометр* [Лапошина и Лебедева, 2021], показал, что тексты соответствуют языковому уровню заявленного адресата. Общая характеристика материала представлена в таблице 1.

Тексты различались по объему и текстовым функциям СД.

В тексте 1, посвященном описанию Северного Ледовитого океана, использовалась одна деталь-комментарий — авторизованная конструкция:

(4) *Воды этого течения теплыми назвать трудно, ведь их температура не поднимается выше +7°С.*

Таблица 1. Общая характеристика текстового материала

Тема (название)	Объем	
	Общий	Седактивные детали
Текст 1 ¹ <i>Северный Ледовитый океан</i>	210 токенов, 6 абзацев	6 токенов (1 клауз)
Текст 2 ² <i>Внутренние воды Южной Америки</i>	261 токен, 4 абзаца	53 токена (~8 клауз)
Текст 3 ³ <i>Глубинные зоны мирового океана</i>	310 токенов, 5 абзацев	149 токенов (~26 клауз)

¹ Домогацких, Е.М. и Алексеевский, Н.И., 2012. *География: материки и океаны: в 2 ч. Ч. 1.: планета, на которой мы живем. Африка. Австралия: учеб. для 7 кл. общеобразоват. учреждений* (5-е изд.). М.: Русское слово, сс. 105–106.

² Душина, И.В., Коринская, В.А. и Щенев, В.А., 2012. *География. Наш дом – Земля: материки, океаны, народы и страны: 7 кл.: учеб. для общеобразоват. учреждений* (15-е изд., стереотип). М.: Дрофа, сс. 173–174.

³ Домогацких, Е.М. и Алексеевский, Н.И. Указ. соч., сс. 83–84.

В тексте 2, посвященном описанию внутренних вод Южной Америки, СД представлены в виде регулярных вкраплений. Они дополняют основные — «географические» — идеи текста и значимой роли в развертывании не играют. Например, используются комментарий о размере реки (*Площадь бассейна реки почти равна всей Австралии*), эмоционально-окрашенные выражения (напр., *Стоит ли удивляться, что столь могучая и необъятная река породила множество легенд и мифов...*), авторизованное описание референтов (напр., ...*так что противоположный берег разглядеть невозможно; За 20–25 км слышен его рокот*).

В тексте 3, посвященном описанию трех глубинных зон океана, СД используются для представления воображаемой прогулки по дну океана с участием автора и читателя. Само описание каждой зоны осуществляется с точки зрения «прогуливающихся» участников коммуникации. Тематическая часть первого предложения в тексте задает зрительный модус восприятия информации:

(5) *Давайте же посмотрим, как меняется глубина океана по мере удаления от материка, то есть выделим глубинные зоны океана.*

Дальнейшее выделение зон проводится с учетом временной организации прогулки и заданного модуса восприятия; например (см. также [23] ниже):

(6) *Чем глубже мы будем погружаться, тем темнее будет становиться вокруг нас;*

(7) *На глубине около 200 м наступает почти полная темнота. Здесь нам придется включить фонарь. И что же мы видим? Изумительное зрелище!*

СД организуют развертывание текста 3 (прогулка «двигает» описание) и определяют способ представления учебного материала (знания представляются как наблюдаемые объекты). При этом СД не являются значимым источником знаний.

Метод

В работе использовался метод извлечения ключевых слов (КС) [Штерн, 1991]. Суть метода хорошо известна: испытуемый извлекает из текста-стимула слова, которые считает наиболее значимыми. Извлеченный набор ключевых слов (НКС) представляет значимые компоненты, которые испытуемый выделил в смысловой структуре текста и использовал для ее структурирования и создания ментальной модели текста [Сахарный и Штерн, 2006; Сиротко-Сибирский, 2006].

Испытуемые

Выборка испытуемых формировалась с учетом двух показателей: (i) оптимальное количество испытуемых — группа из 20–30 человек [Штерн, 1991, с. 76]; (ii) испытуемый представляет потенциального адресата текста-стимула. Поиск испытуемых проводился в г. Санкт-Петербурге (Россия).

Были сформированы две группы испытуемых ($n = 64$):

(i) 40 учащихся (из них 20 девушек) 7-х классов гимназии № 405;

(ii) 24 студента (из них 15 девушек) 1-го и 2-го курсов факультета географии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

Группа испытуемых-студентов была привлечена для выделения предметной области (географии) в смысловой структуре текста.

Процедура

Эксперимент проводился в учебных заведениях. Эксперимент был анонимным и не оценивался в рамках учебных программ. Эксперимент проводился автором работы (а не преподавателем). Для испытуемых были подготовлены печатные бланки; в них тексты располагались в случайном порядке. Тексты приводились с заголовками, указанными в таблице 1. Время чтения и индексирования КС не ограничивалось. Использовалась модифицированная инструкция, предложенная А. Штерн [1991, с. 75]: *Подумайте над содержанием прочитанного текста. Выпишите из текста 4–7 слов или словосочетаний, наиболее важных с точки зрения содержания.*

Обработка данных и результаты

В результате эксперимента были получены НКС общим объемом 2 147 токенов. Для их обработки использовались анализаторы *MyStem*⁴ и *AntConc*.⁵

Обработка была следующей (см. [Гусева и Митрофанова, 2024; Пиотровская и Трушелёв, 2019; Штерн, 1991; Ягунова, 2010; Trushchelev, 2024]): (1) было оценено соответствие между порядком следования КС в наборе и их появлением в тексте-стимуле; (2) все КС были сведены к исходной форме; (3) из НКС были удалены знаки препинания, незнаменательные слова (предлоги, частицы), аналитические компоненты грамматических форм (напр., *самый спокойный*) и предикаты с функцией представления референта (напр., *находиться, иметь*); (4) с опорой на тексты-стимулы в каждом НКС были удалены повторные номинации с одинаковым предметом референции; (5) с опорой на референциальную область текстов-стимулов были стандартизированы вариативные номинации (напр., *остров Гренландия* и *Гренландия — Гренландия; материковая отмель* и *шельф — шельф, покрыть* и *покрытие — покрытие* и т. п.). Результаты обработки представлены в таблице 2.

Таблица 2. Количественная характеристика НКС

	НКС до обработки						НКС после обработки					
	Школьники			Студенты			Школьники			Студенты		
	<i>N_t</i>	<i>M</i>	<i>N_o</i>	<i>N_t</i>	<i>M</i>	<i>N_o</i>	<i>N_t</i>	<i>M</i>	<i>N_u</i>	<i>N_t</i>	<i>M</i>	<i>N_u</i>
Текст 1	779	19.5	30	304	12.7	17	484	12.1	94	232	9.7	64
Текст 2	686	17.2	30	265	11	20	494	12.4	106	204	8.5	50
Текст 3	682	17.1	29	269	11.2	23	390	9.8	88	176	7.3	39

Примечание: *N_t* = количество токенов; *M* = среднее количество токенов в НКС; *N_o* = количество НКС, в которых порядок следования КС повторяет порядок их появления в тексте-стимуле; *N_u* = количество уникальных токенов (уникальные КС).

Согласно показателю *N_o*, в среднем в более 75% наборов порядок следования КС повторял порядок их появления в тексте-стимуле. Это свидетельствует о том,

⁴ Yandex Technologies. URL: <https://yandex.ru/dev/mystem/>.

⁵ AntConc: A freeware corpus analysis toolkit for concordancing and text analysis. URL: <https://www.laurenceanthony.net/software/antconc/>.

что результаты фиксируют влияние структуры текста на его обработку — прежде всего на структурацию содержания — испытуемыми.

После обработки была установлена значимость каждого уникального КС. Значимость определялась частотой индексации уникального КС в каждой группе испытуемых. Для каждого текста был выделен инвариантный НКС, состоящий из уникальных КС с частотой индексации выше 33% (13 школьников и 8 студентов; см. [Петрова и др., 2017]). Эти слова были обозначены условно как инвариантные (ИнвКС). Они представлены в таблице 3. В ней полужирным шрифтом выделены КС, которые вошли в инвариантные наборы обеих групп испытуемых. В таблице указана также величина сходства наборов разных групп испытуемых (коэффициент сходства Жаккара K_j).

Таблица 3. Инвариантные КС

	Школьники	Студенты	K_j
Текст 1	N = 7 КС (7.4%) оcean (32 ии.), спокойный (26 ии.), маленький (25 ии.), холодный (22 ии.), лед (18 ии.), большой (14 ии.), Гренландия (14 ии.)	N = 7 КС (9.4%) оcean (15 ии.), холодный (14 ии.), маленький (12 ии.), Гренландия (11 ии.), спокойный (9 ии.), Северный полярный круг (8 ии.), моря (8 ии.)	.55
Текст 2	N = 9 КС (8.5%) Амазонка (30 ии.), жизнь (19 ии.), речной бассейн (17 ии.), богатый (16 ии.), Игуасу (15 ии.), ширина (15 ии.), 5 км (15 ии.), 325 км (14 ии.), вода (13 ии.)	N = 11 КС (22%) Амазонка (19 ии.), сезонность режима (14 ии.), Игуасу (13 ии.), жизнь (11 ии.), речной бассейн (11 ии.), богатый (10 ии.), Южная Америка (10 ии.), влажность (9 ии.), Ориноко (9 ии.), Парана (9 ии.), вода (8 ии.)	.43
Текст 3	N = 10 КС (11.4%) шельф (30 ии.), материковый склон (21 ии.), глубина (20 ии.), глубинные зоны (19 ии.), 200 метров (18 ии.), ложе океана (17 ии.), океан (15 ии.), вода (14 ии.), темнота (14 ии.), солнце (13 ии.)	N = 5 (12.8%) шельф (23 ии.), материковый склон (22 ии.), ложе океана (22 ии.), океан (17 ии.), глубинные зоны (16 ии.)	.50

Дополнительно были проанализирован параметр распределения встречаемости уникальных КС. Раскроем суть анализа, используя график.

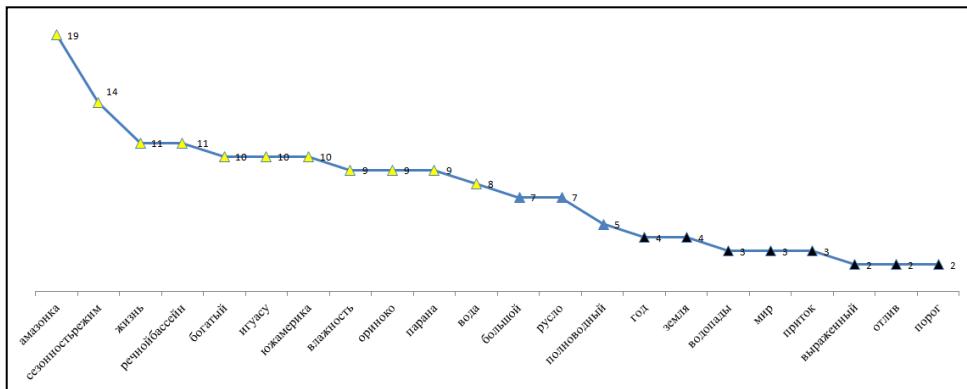

Рис. 1. График распределения встречаемости КС (текст 3, студенты)

График представляет распределение высокочастотных уникальных КС, извлеченных из текста 3 испытуемыми-студентами (см. [Штерн, 1991, сс. 74–79]). Первые 11 КС образуют инвариантный набор (см. таблицу 3); на графике ИнвКС отмечены маркерами желтого цвета. Как видно, между маркерами КС есть перепады. Размер перепадов постепенно сокращается, и график начинает «выпрямляться», следуя линейному тренду. Можно выделить три признака линейного тренда в распределении КС: (1) перепады между разными значениями встречаемости перестают превышать единицу; (2) значения начинают повторяться, и количество повторений увеличивается; (3) значения становятся небольшими. Представленный график выходит на линейный тренд с величиной 4–3; тренд отмечен черными маркерами.

КС, расположенные в линейном тренде, отражают конкретные вариации в понимании смысловых структур текста. Важно обратить внимание на КС, расположенные между инвариантным набором и началом линейного тренда. Представляется, что они уточняют инвариантные КС и вероятные тенденции в интерпретации текста [Trushchelev, 2024]. Такие КС были обозначены условно как весомыми (ВесКС). Они представлены в таблице 4.

Таблица 4. Весомые КС

	Школьники	Студенты
Текст 1	5 метров, температура, 7 градусов, мелкий, материковое происхождение	шельфовая зона, материковое происхождение, Северо- Атлантическое течение
Текст 2	площадь, Австралия, большой, русло, устье, Парана, реки	большой, русло, полноводный
Текст 3	глубоко, полный, дно, проникать	солнце, глубина, темнота

Инвариантные и весомые КС рассматривались в работе как значимые и далее будут так обозначаться.

Обсуждение

Основные идеи текстов-стимулов

Значимые КС показывают, что обе группы испытуемых успешно определили основные идеи текстов-стимулов. КС адекватно представляют общую область референции и главные темы и подтемы каждого текста.

Стратегии обработки смысловых структур, которые использовали испытуемые-школьники, отличалась большей конкретностью. Так, они извлекли И nvКС *лед* и ВесКС *5 метров* из предложений текста 1, раскрывающих признак океана «холодный»:

(8) *Больше полугода он [океан] полностью покрыт льдом, толщина которого может достигать 5 м!*

Из текста 2 они извлекли КС, представляющие признаки реки Амазонки (напр., И nvКС *ширина и 5 км*), а из текста 3 — характеристики глубинных зон (напр., И nvКС *200 метров и вода*).

Испытуемые-студенты больше внимания уделили дифференциации основного предмета речи. Из текста 1 они извлекли КС, представляющие характеристики Северного Ледовитого океана (расположение — И nvКС *Северный полярный круг*; составляющие — И nvКс *моря*), из текста 2 — характеристики внутренних вод Южной Америки (материк — И nvКС *Южная Америка*; его ключевой признак — И nvКС *влажность*; названия внутренних вод — И nvКС *Ориноко*).

О большей конкретности обработки свидетельствуют и формальные параметры НКС, извлеченных испытуемыми-школьниками: (i) они включают более развернутые коллокации (см. таблицу 2); (ii) больше 75% НКС включают как минимум одну клаузу с выраженным предикатом (напр., *имеет* исключительно обширный шельф; vs ~25% у испытуемых-студентов).

Следует обратить внимание на то, что испытуемые не индексировали номинацию *внутренние воды*, представленную только в заголовке текста 2. Вероятно, они в целом не рассматривали заголовок как значимую часть смысловой структуры текста. Номинации из двух других заголовков — КС *океан* и *глубинные зоны*, — вероятно, индексировались испытуемыми из самих текстов. Так, отдельно номинацию (*Северный Ледовитый*) *океан* проиндексировал только 1 школьник и 4 студента. Остальные испытуемые индексировали номинацию, трансформируя ее в составе других конструкций (напр., *самый холодный океан*; *Океан самый маленький, самый холодный, самый спокойный*).

Значимость КС в текстах-стимулах

Значимые КС имели характерные контексты вхождения в тексты-стимулы (см. [Гусева и Митрофанова, 2024; Петрова и др., 2017; Пиотровская и Трушелёв, 2019; Ягунова, 2010; Ягунова, 2011]).

Прежде всего следует выделить показатель встречаемости. Так, И nvКС *океан* и *глубинные зоны*, представляющие главную тему текстов 1 и 3, являются в них самыми высокочастотными: частота их вхождения с учетом анафорических номинаций составляет 14 и 6 раз соответственно. И nvКС *Амазонка* хотя и не

представляет главную тему текста 2, тем не менее имеет самую высокую частоту вхождения — 10 вхождений с учетом анафорических номинаций.

Показатель встречаемости следует рассматривать с учетом характера распределения КС в тексте: КС, как правило, имеют определенную частоту вхождения в определенной части текста. В этой части реализуется текстовая функция КС. ИзвКС *океан* и *глубинные зоны* рассредоточены по всему тексту. Их повторы позволяют актуализировать главную тему текста и область референции. ИзвКС *Амазонка* представляет тему и область референции большей части текста 2 — первых трех абзацев. В них и рассредоточены 9 из 10 случаев вхождения этого КС. Извлеченные испытуемыми названия других внутренних вод — КС *Парана*, *Ориноко* и *Игуасу* — представлены в другой части текста, в последнем четвертом абзаце. При этом граница между частями маркируется сравнительной конструкцией:

(9) *Парана* и *Ориноко* имеют, в отличие от *Амазонки*, ярко выраженную сезонность режима.

Таким образом, в тексте 2 распределение указанных КС, называющих внутренние воды, сегментирует текст и формирует значимые смысловые оппозиции.

Еще один наглядный пример — ИзвКС *шельф*, *материковый склон* и *ложе океана*, извлеченные из текста 3. В нем эти КС называют разные глубинные зоны, которые последовательно описываются. КС представлены в разных частях текста и не «пересекаются» в них друг с другом. В «своих» частях они имеют значимый показатель встречаемости и задают тему и область референции.

Распределение КС в тексте выражается также в «сильной» позиции КС. Такая позиция манифестирует текстовую функцию КС, его влияние на дальнейшее развертывание. Известный пример сильной позиции — тематическое предложение, которое «отрывает» сегмент текста, чаще всего абзац, и устанавливает его тему и область референции [Pipalova, 2024].

В тексте 1 ИзвКС *спокойный* и *холодный* не имеют высокую частоту вхождения — 1 и 2 вхождения соответственно. Однако в тексте есть отдельные абзацы, посвященные описанию этих признаков океана. И КС представлены в первых тематических предложениях «своих» абзацев:

(10) *Северный Ледовитый океан — самый спокойный из всех;*

(11) *Это самый холодный океан.*

Находясь в такой «сильной» позиции, указанные КС значимым образом сегментируют текст.

КС *жизнь* и *богатый* встречаются в тексте 2 только в первом предложении второго абзаца, который описывает живых организмов:

(12) *Воды Амазонки богаты жизнью.*

Несмотря на единичное вхождение, КС *жизнь* является инвариантным в НКС, извлеченных обеими группами испытуемых, а КС *богатый* — в НКС, извлеченных испытуемыми-школьниками (такое же положение у ВесКС *русло*).

Похожий пример — ВесКС *глубоко* и *проникать*, извлеченные из текста 3 испытуемыми-школьниками. Эти КС встречаются только в первом предложении абзаца, который описывает изменение глубины океана во время движения по дну:

(13) *Солнечные лучи не могут глубоко проникать в воду.*

Сигналом «сильной» позиции могут быть анафорические средства. Так, извлеченное испытуемыми-студентами ВесКС *Северо-Атлантическое течение* представлено в середине абзаца текста 1. Но оно задает референцию для следующего предложения (4), приведенного выше: это предложение включает анафорическое наименование *это течение*. Такую же связь задает ИнвКС *Игуасу*, которое представлено в середине абзаца, но определяет тему и область референции для следующего пассажа из трех предложений, приведенного ниже в (21).

Был выделен еще один маркер значимости КС в тексте — контраст.

Рассмотрим контекст вхождения КС *Гренландия* в текст 1:

(14) *В самом маленьком океане находится самый большой остров планеты — Гренландия.*

Это предложение является последним в абзаце, оно не влияет на развертывание. Слово *Гренландия* больше в тексте не встречается. Тем не менее, оно стало инвариантным КС, извлеченным обеими группами испытуемых. Думается, его значимость обусловлена маркером контраста — контрастными темой и ремой предложения.

ИнвКС *речной бассейн* было извлечено испытуемыми-студентами из контрастной ремы предложения текста 2:

(15) ...*природа создала здесь самый большой речной бассейн мира с грандиозной Амазонкой.*

Это КС повторяется в теме следующего предложения (см. [19] ниже), но при этом оно не расширяет область референции, которая задается номинацией *Амазонка*.

К маркерам контраста близки по значению маркеры выражения эпистемических эмоций (удивление, интерес), у которых похожая дискурсивная функция — выделить предмет референции [Трушелёв, 2022]. Это может объяснить, почему испытуемые-школьники извлекли ИнвКС *5 метров* из предложения (8) текста 1: в предложении представлен маркер восхищательности.

Контраста, по всей видимости, не всегда достаточно для маркировки значимости КС. Например, из следующего предложения с контрастной темой и ремой слово *исследование* не было проиндексировано вовсе, а слова *освоение* и *усилия* были проиндексированы одним испытуемым-школьником:

(16) *Но зато именно его [океана] исследования, именно его освоение потребовали от человека наибольших усилий.*

Скорее, контраст дополняет другие средства, маркирующие значимость КС. Примечателен случай использования маркера контраста в следующем тематическом предложении, которое является первым в тексте 1:

(17) *Этот океан самый маленький, самый мелкий и самый холодный из всех океанов.*

Предложение имеет контрастную рему, которая маркирует слова *маленький*, *мелкий* и *холодный*. Все эти слова индексировали обе группы испытуемых. КС *маленький* и *холодный* стали инвариантными. Но КС *мелкий* им по значимости сильно уступает (см. таблицу 4; у студентов — даже не весомое КС). Дело в том, что слова *маленький* и *холодный* встречаются еще по одному разу в тексте с

маркером контраста. Так, слово *маленький* повторяется в контрастной теме предложения (14). Слово *холодный*, как уже было сказано, входит в состав тематического предложения (11). Слово *мелкий* в тексте 1 не повторяется. При этом один из абзацев посвящен раскрытию качества океана «мелкий». Но начинается абзац со следующего тематического предложения:

(18) *Океан имеет исключительно обширную шельфовую зону.*

Термин *шельфовая зона* представлен в тематическом предложении и маркирован контрастной ремой. Поэтому, вероятно, КС *шельфовая зона* является весомым в НКС, извлеченных испытуемыми-студентами.

Таким образом, значимость извлеченных КС зависела от маркеров их положения в смысловой структуре текста-стимула (см. о сигналах при структурировании текста в [Meyer & Rey, 2011]). Выделены три маркера: (i) повтор (частота встречаемости), (ii) характер распределения, отражающий текстовую функцию КС, (iii) контраст.

Значимость СД в текстах-стимулах

Из СД текстов 1 и 2 испытуемые не извлекли инвариантных КС. Следовательно, СД не рассматривались как средства выражения ключевых идей этих текстов.

Два весомых КС — *площадь* и *Австралия* — были извлечены испытуемыми-школьниками из детали-предложения текста 2:

(19) *Площадь бассейна реки почти равна всей Австралии.*

Это предложение следует за предложением (13) с контрастной ремой. Его значимость, возможно, обусловлена заданным контрастом и денотативной экспрессивностью занимательного сравнения.

Из представленных в тексте 3 СД были проиндексированы КС *темнота*, *солнце*, *проникать*, *полный*, *глубоко*. Из них наиболее значимыми являются КС *темнота* и *солнце*: они стали единственными инвариантными КС, которые извлекли из СД испытуемые-школьники, и единственными весомыми КС, которые извлекли из СД испытуемые-студенты. КС *проникать* и *глубоко*, как показывает предложение (13), уточняют характеристику компонента, на который указывает КС *солнце*. КС *полный* в тексте связано атрибутивными отношениями с КС *темнота*: ...наступает почти *полная темнота*; Здесь царит *полная и вечная темнота*...

Значимость КС *темнота* и *солнце* объясняется тем, что в основе развертывания текста 3 лежит описание совместной прогулки автора и читателя. Динамическим параметром прогулки являются (i) смена глубинных зон (напр., *Мы покинули шельф и оказались в следующей глубинной зоне океана*) и (ii) изменение освещенности (см. [6] и [7] выше). Значимые КС эти параметры и выражают. При этом КС *темнота* и *солнце*, в отличие от КС, называющих глубинные зоны, рассредоточены по всему тексту и не «делят» его на части. Эти КС имеют и другие маркеры значимости: (i) они повторяются четыре и пять раз соответственно; (ii) они занимают «сильные» позиции — в том числе по одному разу встречаются в тематических предложениях, — задающие область референции следующим

части текста (см., напр., [6] выше и [23] ниже);; (iii) слово *солнце* маркируется контрастной темой (см. третье предложение в [23] ниже).

Таким образом, при обработке текстов-стимулов значимость СД определялась испытуемыми с учетом их положения в структуре текста.

Поскольку СД привлекают внимание читателя [Rey, 2014], логично предположить, что они могут стать маркером значимого компонента смысловой структуры текста, своеобразным маркером «сильной» позиции.

Это предположение подтверждает относительная значимость ИнвКС *Игуасу*, извлеченного обеими группами испытуемых из текста 2. В тексте описание водопада Игуасу дается в том же абзаце, что и описания рек Парана и Ориноко. Сравним фрагменты этих описаний:

(20) *С приходом влажного экваториального воздуха и сезона дождей реки разливаются и затапливают окружающие плоские пространства, превращая их в обширные болота;*

(21) *За 20–25 км слышен его рокот. Река разбивается на 300 струй и потоков, разделенных скалистыми островками с густой растительностью. Это один из красивейших водопадов на Земле.*

Пассаж (20) с описанием рек следует за предложением (9), которое является первым в абзаце и маркирует названия *Парана* и *Ориноко* контрастом. Пассаж (21) является только частью отмеченного абзаца, которая приводится в самом конце текста («слабая» позиция, см. [Гусева и Митрофанова, 2024; Ягунова, 2011]). Тем не менее КС *Парана* и *Ориноко* обладают меньшей значимостью, чем КС *Игуасу*. Вероятно, это связано с тем, что описание водопада состоит исключительно из СД.

Говоря о тексте 2, можно предположить, что значимость извлеченных испытуемыми-школьниками ИнвКС *ширина, 5 км и 325 км* также обусловлена СД. Одна деталь дополняет предложение, из которого эти КС были извлечены:

(22) *Русло Амазонки в среднем течении достигает ширины 5 км, в нижнем — 80 км, а в устье его ширина доходит до 320 км, так что противоположный берег разглядеть невозможно.*

Кроме того, ВесКС 7 градусов было извлечено испытуемыми-школьниками из предложения (4) текста 1, которое включает СД *Воды этого течения теплыми назвать трудно...* (см. [4] выше).

Вызывает вопросы и значимость ИнвКС *ложе океана*, извлеченного обеими группами испытуемых из текста 3. С одной стороны, оно имеет «свою» часть текста, в которой названия других глубинных зон не представлено. С другой стороны, для описания ложа океана отводится самая маленькая последняя часть текста (67 vs 227 токенов для описания шельфа и материкового склона). И описание это, в отличие от описания других глубинных зон, состоит только из СД; приведем фрагмент:

(23) *Глубины здесь огромные — несколько километров! Здесь царит полная и вечная темнота: солнечные лучи не освещают ложе океана. Но ведь именно Солнце — главный источник тепла на нашей планете. Так это означает, что...*

Таким образом, некоторые СД, которые уточняли основные «учебные» идеи в текстах-стимулах, повышали значимость этих идей.

Отдельно следует отметить, что испытуемые-школьники, в отличие от испытуемых-студентов, уделяли больше внимания СД. Например, КС *7 градусов, ширина, 5 км, и 325 км* вообще не оказались значимыми для испытуемых-студентов. А КС *темнота и солнце* оказались для них весомыми, в то время как для испытуемых-школьников они были инвариантными. Скорее всего, это обусловлено тем, что стратегии обработки текста, которые использовали испытуемые-школьники, отличались большей конкретностью.

Заключение

Работа показала, что эффект от введения седактивных деталей в учебный текст зависит от их текстовой значимости и от стратегии понимания учебного текста. Седактивные детали, реализующие значимую текстовую функцию, можно рассматривать как источник проблем при интерпретации текста учащимися. СД, которые используются как вкрапления для конкретизации какой-либо идеи, могут интерпретироваться учащимися как маркер ее значимости.

PAVEL TRUSHCHELEV – *Seductive Details and Expository Text Structures: an Experimental Study Via Keyword Extraction.* – Seductive details are intriguing yet extraneous pieces of information in expository texts. Understanding their impact on text comprehension is essential for effective expository reading. The aim of the study was to examine the processing of expository texts that contain seductive details of varying significance. The significance of seductive details was evaluated based on their textual function in constructing referential and thematic structures. The study utilised three expository texts from Russian geography textbooks intended for seventh-grade students. The texts varied in significance and quantity of the seductive details included. A total of 40 seventh-grade students and 24 university students participated in the experiment, providing a diverse perspective on text comprehension. The study employed a keyword extraction method. The participants read the texts and extracted words they considered most important in terms of content. In total, 64 keyword sets were collected ($n = 2,147$ tokens); they presented the range of key concepts identified by participants. The participants successfully identified the main text ideas. The school students used a more concrete mode of text processing and extracted more specific keywords. The significance of the keywords depended on (i) their frequency in the text, (ii) their distribution across text sections, reflecting their impact on the elaboration, and (iii) the presence of contrast markers. The textual function of seductive details influenced the significance of the keywords extracted from them by the participants. Seductive details were interpreted by participants not only as sources of information but also as signals of significant text ideas.

Key words: *expository text, seductive details, keywords, text comprehension, text structures, keyword extraction.*

Список научной литературы

- Гусева, Д.Д. и Митрофанова, О.А., 2024. Ключевые выражения в русскоязычных научно-популярных текстах: сравнение восприятия устной и письменной речи с результатами автоматического анализа. *Terra Linguistica*, 15(1), cc.20–35. DOI: 10.18721/JHSS.15102.
- Лапошина, А.Н. и Лебедева, М.Ю., 2021. Текстометр: онлайн-инструмент определения уровня сложности текста по русскому языку как иностранному. *Русистика*, 19(3), cc.331–345. DOI: 10.22363/2618-8163-2021-19-3-331-345.
- Петрова, Т.Е., Риехакайнен, Е.И., Кузнецова, А.С., Мараев, А.В. и Шаталов, М.А., 2017. Выделение ключевых слов в вербальных и невербальных паттернах. *Социо- и психолингвистические исследования*, 5, cc.149–156.

- Пиотровская, Л.А. и Трушелёв, П.Н., 2019. Инвариантность и вариативность понимания учебных текстов школьниками и студентами (результаты экспериментального исследования по методике набора ключевых слов). *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки*, 10(3), сс.58–73. DOI: 10.18721/JHSS.10306.
- Сахарный, Л.В. и Штерн, А.С., 2006/1988. Набор ключевых слов как тип текста. В кн.: Доценко, Т.И., ред. ...*Слово отзовется: памяти Аллы Соломоновны Штерн и Леонида Вольковича Сахарного*. Пермь: изд-во Перм. гос. ун-та, сс. 50–59.
- Сиротко-Сибирский, С.А., 2006. О проблеме понимания текста в лингвистике и психолингвистике. В кн.: Доценко, Т.И., ред. ...*Слово отзовется: памяти Аллы Соломоновны Штерн и Леонида Вольковича Сахарного*. Пермь: изд-во Перм. гос. ун-та, сс.63–68.
- Трушелёв, П.Н., 2022. Взаимодействие автора и читателя в учебном тексте. *Известия Воронеж. гос. пед. ун-та*, (3), сс.186–192. DOI: 10.47438/2309-7078_2022_3_186.
- Штерн, А.С., 1991. Восприятие текста. В кн.: Мурзин, Л.Н. и Штерн, А.С. *Текст и его восприятие*. Свердловск: изд-во Ураль. ун-та, сс.69–162.
- Ягунова, Е.В., 2010. Эксперимент и вычисления в анализе ключевых слов художественного текста. *Философия языка. Лингвистика. Лингводидактика*, (1), сс.83–89.
- Ягунова, Е.В., 2011. Ключевые слова в исследованиях текстов Н. В. Гоголя. *Проблемы социо- и психолингвистики*, (15), сс.121–136.
- Ely, R., Ainley, M. & Pearce J., 2013. More than enjoyment: Identifying the positive affect component of interest that supports student engagement and achievement. *Middle Grades Research Journal*, 8(1), pp.13–32.
- Garner, R., Gillingham, M.G. & White, C.S., 1989. Effects of seductive details' on macroprocessing and microprocessing in adults and children. *Cognition and Instruction*, 6(1), pp.41–57. DOI: 10.1207/s1532690xc0601_2.
- Givon, T., 2018. *On Understanding Grammar*. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins.
- Harp, S.F., & Mayer, R.E., 1998. How seductive details do their damage: A theory of cognitive interest in science learning. *Journal of Educational Psychology*, 90(3), pp. 414–434. DOI: 10.1037/0022-0663.90.3.414.
- Maienborn, C., 2019. Event and state. В кн.: Truswell, R., ред. *The Oxford Handbook of Event Structure*. N. Y.: Oxford University Press, pp.50–89. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199685318.013.6.
- Martin, J.R. & Rose, D., 2013. *Working with Discourse: Meaning Beyond the Clause* (2nd ed.). London — New Delhi — N. Y. — Sydney: Bloomsbury.
- Meyer, B.J.F., Campos, G., Yu, J. 2023. Text structure: Reading, writing, cross language perspectives. В кн.: Horowitz, R., ред. *The Routledge International Handbook of Research on Writing*. N. Y.: Routledge, pp.163–183. DOI: 10.4324/9780429437991-13.
- Meyer, B.J.F., Rey, M.N., 2011. Structure strategy interventions: Increasing reading comprehension of expository text. *International Electronic Journal of Elementary Education*, 4(1), pp.127–152.
- Pipalova, R., 2024. *Investigating Aspects of Academic Discourse*. Prague: Karolinum.
- Rey, G.D., 2012. A review of research and a meta-analysis of the seductive detail effect. *Educational Research Review*, 7(3), pp.216–237. DOI: 10.1016/j.edurev.2012.05.003.
- Rey, G.D., 2014. Seductive details and attention distraction — An eye tracker experiment. *Computers in Human Behavior*, 32, pp.133–144. DOI: 10.1016/j.chb.2013.11.017.
- Schraw, G., 1998. Processing and recall differences among selective details. *Journal of Educational Psychology*, 90(1), pp.3–12. DOI: 10.1037/0022-0663.90.1.3.
- Sundararajan, N. & Adesope, O., 2020. Keep it coherent: A meta-analysis of the seductive details effect. *Educational Psychology Review*, 32(3), pp.707–734. DOI: 10.1007/s10648-020-09522-4.
- Swarat, S., 2008. What makes a topic interesting? A conceptual and methodological exploration of the underlying dimensions of topic interest. *The Electronic Journal for Research in Science*

- & Mathematics Education, 12(2). URL: <https://ejrsme.icrsme.com/article/view/7773> [дата обращения: 10.11.2024].
- Trushchelev, P., 2024. Students' strategies in reading expository text in history. В кн.: Mokienko, V.M., ред. *LII Ludmila Verbitskaya International Scientific Philological Conference, March 19–26, 2024, St. Petersburg: The Book of Abstracts*. St Petersburg: St Petersburg State University Publ., pp.708–710.
- Ushiro, Yu., Kimura Yu., Hamada, A., Hasegawa, Yu., Suzuki, K., Mori, Yo. & Tanaka, T., 2015. Effects of seductive details on expository text comprehension among Japanese EFL readers. *Annual Review of English Language Education in Japan*, 26, pp. 29–44. DOI: 10.20581/arele.26.0_29.

References

- Guseva, D.D. & Mitrofanova, O.A., 2024. Kljuchevye vyrazhenija v russkojazychnyh nauchno-populyarnyh tekstah: sravnenie vospriyatija ustnoj i pis'mennoj rechi s rezul'tatami avtomaticheskogo analiza. [Keyphrases in Russian-language popular science texts: comparison of oral and written speech perception with the results of automatic analysis]. *Terra Linguistica*, 15(1), pp.20–35. DOI: 10.18721/JHSS.15102. (In Russian).
- Laposhina, A.N. & Lebedeva, M.Y., 2021. Tekstometr: onlajn-instrument opredelenija urovnya slozhnosti teksta po russkomu jazyku kak inostrannomu [Textometr: An online tool for automated complexity level assessment of texts for Russian language learners]. *Russian Language Studies*, 19(3), pp. 331–345. DOI: 10.22363/2618-8163-2021-19-3-331-345. (In Russian).
- Petrova, T.Ye., Riekhakaynen, E.I., Kuznetsova, A.S., Maraev, A.V. & Shatalov, M.A., 2017. Vydenie kljuchevyh slov v verbal'nyh i neverbal'nyh patternah [Keywords in verbal and non-verbal patterns]. *Socio- and Psycholinguistic Studies*, 5, pp.149–156. (In Russian).
- Piotrovskaya, L.A. & Trushchelev, P.N., 2019. Invariantnost'i variativnost' ponimanija uchebnyh tekstov shkol'nikami i studentami (rezul'taty eksperimental'nogo issledovanija po metodike nabora kljuchevyh slov) [Invariability and variability of expository text comprehension by schoolchildren and university students (the results of the experimental study via the keywords method)]. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences*, 10(3), pp.58–73. DOI: 10.18721/JHSS.10306. (In Russian).
- Sakharnyy, L.V. & Shtern, A.S., 2006/1988. Nabor klyuchevykh slov kak tip teksta [Keyword set as a text]. In: Dotsenko, T.I., red. ...*Slovo otzovetsya: pamyati Ally Solomonovny Shtern i Leonida Vol'kovicha Sakharnogo* [...*Slovo Otzovetsya: In Honour of Alla S. Shtern and Leonid V. Sakharnyy*]. Perm': Perm' State University Publ., pp.50–59. (In Russian).
- Sirotko-Sibirskiy, S.A., 2006. O probleme ponimaniya teksta v lingvistike i psikholingvistike [The linguistic and psycholinguistic nature of comprehension]. In: Dotsenko, T.I., ed. ...*Slovo otzovetsya: pamyati Ally Solomonovny Shtern i Leonida Vol'kovicha Sakharnogo* [...*Slovo Otzovetsya: In Honour of Alla S. Shtern and Leonid V. Sakharnyy*]. Perm': Perm' State University Publ., pp.63–68. (In Russian).
- Trushchelev, P.N., 2022. Vzaimodejstvie avtora i chitatelja u uchebnom tekste [The author-reader interaction through school textbooks]. *Izvestia Voronezh State Pedagogical University*, (3), pp.186–192. DOI: 10.47438/2309-7078_2022_3_186. (In Russian).
- Shtern, A.S., 1991. Vospriyatie teksta [Text Processing]. In: Murzin, L.N. & Shtern, A.S. *Tekst i ego vospriyatie* [Text and Processing]. Sverdlovsk: Ural University Publ., pp.69–162. (In Russian).
- Yagunova, E.V., 2010. Eksperiment i vychisleniya v analize klyuchevykh slov khudozhestvennogo teksta [Experiment and calculations in the analysis of keywords of a literary text]. *Filosofiya jazyka. Lingvistika. Lingvodidaktika* [Philosophy of Language. Linguistics. Linguadidactics], (1), pp 83–89. (In Russian).
- Yagunova, E.V., 2011. Klyuchevye slova v issledovaniyah tekstov N.V. Gogolya [Keywords in Studies of Gogol's Texts]. *Socio- and Psycholinguistic Studies*, (15), pp.121–136. (In Russian).

- Ely, R., Ainley, M. & Pearce J., 2013. More than enjoyment: Identifying the positive affect component of interest that supports student engagement and achievement. *Middle Grades Research Journal*, 8(1), pp.13–32. (In English).
- Garner, R., Gillingsham, M.G. & White, C.S., 1989. Effects of seductive details' on macroprocessing and microprocessing in adults and children. *Cognition and Instruction*, 6(1), pp.41–57. DOI: 10.1207/s1532690xci0601_2. (In English).
- Givon, T., 2018. *On Understanding Grammar*. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins. (In English).
- Harp, S.F., & Mayer, R.E., 1998. How seductive details do their damage: A theory of cognitive interest in science learning. *Journal of Educational Psychology*, 90(3), pp.414–434. DOI: 10.1037/0022-0663.90.3.414. (In English).
- Maienborn, C., 2019. Event and state. In: Truswell, R., ed. *The Oxford Handbook of Event Structure*. N. Y.: Oxford University Press, pp.50–89. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199685318.013.6. (In English).
- Martin, J.R. & Rose, D., 2013. *Working with Discourse: Meaning Beyond the Clause* (2nd ed.). London — New Delhi — N. Y. — Sydney: Bloomsbury. (In English).
- Meyer, B.J.F., Campos, G., Yu, J. 2023. Text structure: Reading, writing, cross language perspectives. In: Horowitz, R., ed. *The Routledge International Handbook of Research on Writing*. N. Y.: Routledge, pp.163–183. DOI: 10.4324/9780429437991-13. (In English).
- Meyer, B.J.F., Rey, M.N., 2011. Structure strategy interventions: Increasing reading comprehension of expository text. *International Electronic Journal of Elementary Education*, 4(1), pp.127–152. (In English).
- Pipalova, R., 2024. *Investigating Aspects of Academic Discourse*. Prague: Karolinum. (In English).
- Rey, G.D., 2012. A review of research and a meta-analysis of the seductive detail effect. *Educational Research Review*, 7(3), pp.216–237. DOI: 10.1016/j.edurev.2012.05.003. (In English).
- Rey, G.D., 2014. Seductive details and attention distraction — An eye tracker experiment. *Computers in Human Behavior*, 32, pp.133–144. DOI: 10.1016/j.chb.2013.11.017. (In English).
- Schraw, G., 1998. Processing and recall differences among selective details. *Journal of Educational Psychology*, 90(1), pp.3–12. DOI: 10.1037/0022-0663.90.1.3. (In English).
- Sundararajan, N. & Adesope, O., 2020. Keep it coherent: A meta-analysis of the seductive details effect. *Educational Psychology Review*, 32(3), pp.707–734. DOI: 10.1007/s10648-020-09522-4. (In English).
- Swarat, S., 2008. What makes a topic interesting? A conceptual and methodological exploration of the underlying dimensions of topic interest. *The Electronic Journal for Research in Science & Mathematics Education*, 12(2). URL: <https://ejrsme.icrsme.com/article/view/7773> [accessed: 10 November 2024]. (In English).
- Trushchelev, P., 2024. Students' strategies in reading expository text in history. В кн.: Мокиенко, В.М., ред. *LII Ludmila Verbitskaya International Scientific Philological Conference, March 19–26, 2024, St. Petersburg: The Book of Abstracts*. St Petersburg: St Petersburg State University Publ., pp.708–710. (In English).
- Ushiro, Yu., Kimura Yu., Hamada, A., Hasegawa, Yu., Suzuki, K., Mori, Yo. & Tanaka, T., 2015. Effects of seductive details on expository text comprehension among Japanese EFL readers. *Annual Review of English Language Education in Japan*, 26, pp.29–44. DOI: 10.20581/arele.26.0_29. (In English).

■ **Acknowledgement:** The article was prepared in full within the state assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation for 2024–2028 (No. FZNM-2024-0003).

Խմբագրության հասցեն. Երևան, Ալեք Մանուկյան փող., 1
Ածը բաշխության համար՝ Երևան, պատճեն 1
Address: 1, Alex Manoogian str., Yerevan

Կայք՝ journals.yusu.am
Էլ. փոստ՝ ephbanber@ysu.am

Հեռ. 060 710 218, 060 710 219

Технический редактор
Տեխնիկական խմբագիր
Technical Editor

Էդգար Արշակյան
Էդգար Արշակյան
Edgar Arshakyan

Издательский редактор
Հրատարակչական խմբագիր
Publishing Editor

Արմեն Օվակիմյան
Արմեն Հովակիմյան
Armen Hovakimyan

Контрольный корректор
Վերասուլող սրբագրիչ
Proofreader

Գայնե Գրիգորյան
Գայնե Գրիգորյան
Gayane Grigoryan

Ответственный выпуск
Թողարկման պատասխանատու՝
Issued by

Hasmik Yesayan
Հասմիկ Եսայան
Hasmik Yesayan

Ստորագրված է տպագրության 12. 03. 2025: